

Наталья
Калинина

Семь
сокрытых
душ

Наталья Калинина
Семь сокрытых душ

«Калинина Наталья»

2013

Калинина Н. Д.

Семь сокрытых душ / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья»,
2013

ISBN 978-5-699-67544-9

Семь детей, воспитанников интерната, отправляются в закрытое крыло старинной усадьбы, чтобы выручить попавшую в беду собаку. Но благое дело оборачивается трагедией: одну из девочек находят мертвой. Прошло пятнадцать лет, и жизнь Ады, одной из семи воспитанниц, превращается в кошмар. Один за другим погибают ее бывшие товарищи. Опасность грозит и самой девушке. Чтобы спастись, ей предстоит разобраться в прошлом и понять, что же происходит в настоящем...

ISBN 978-5-699-67544-9

© Калинина Н. Д., 2013

© Калинина Наталья, 2013

Наталья Калинина

Семь сокрытых душ

С любовью – мужу

Воробей с лихой беззаботностью перескакивал с ветки на ветку до тех пор, пока вдруг не вспорхнул на подоконник. Ада подумала, что между этой пташкой и ею самой есть что-то общее: не беспечность, а та легкость, с какой воробей, перепрыгивая с одной ветви на другую, добирался до подоконника – как и она сама, без особых усилий преодолевая одно препятствие за другим, добивалась желаемого. Только воробьем двигало любопытство, а ею – целеустремленность.

– На тебя чем-то похож, – раздалось за ее спиной. Девушка вздрогнула, но не от неожиданности, а оттого что Сташков словно прочитал ее мысли.

– Чем это он на меня похож? – с неудовольствием спросила она, поворачиваясь к заму и скреживая на груди руки. Сташкову, как ее незаменимому помощнику, позволялось многое, но сравнивать Аду с воробьем... Спасибо еще, что не при подчиненных!

– А есть в тебе что-то такое задорно-отчаянное, как у этой пташки, – кивнул Игорь на окно, из-за которого доносилось еле слышное царапанье птичьих лапок о жестяной подоконник.

«Не задорно-отчаянная не обладала бы всем этим», – мысленно ответила Ада, мельком окинув взглядом кабинет с евроремонтом, но вслух сказала совсем другое:

– На чем мы остановились?

Она слушала зама и ловила себя на том, что не может сосредоточиться. Голос Сташкова доносился до нее как-то прерывисто, будто говорил он по телефону, и на линии при этом то и дело случались помехи – Ада теряла нить разговора, отвлекаясь на собственные ощущения. Нечасто, но бывало, что ее интуиция, дававшая обычно ненавязчивые советы, вдруг начинала настойчиво «сигнализировать»: что что-то идет не так. Ей хорошо запомнился случай, когда они со Сташковым приехали на важные переговоры... Собственно говоря, переговоры – а до того всяческие «танцы с бубнами», как называл Игорь различные ухищрения в получении контактов и завоевании расположения нужных людей, – были проведены раньше. Оставалось лишь подписать суливший баснословную выгоду контракт. И вот наступил долгожданный день. Сташков, с утра пребывавший на нервах, во время общего завтрака не смог сделать ни глотка кофе, хотя был законченным кофеманом и ни один его рабочий день еще никогда не начинался без чашки эспрессо. А Ада в то утро не могла отвязаться от навязчивого, как изжога, ощущения, что заключать эту сделку им никак нельзя. И вроде бы не было никаких объяснимых причин воспринимать таким образом ситуацию, но девушка чувствовала себя беспокойно. Когда они со Сташковым уже садились в машину, чтобы ехать на встречу, она вдруг выхватила из кармана мобильный и набрала номер начальника службы безопасности:

– Сереж, а ну-ка пробей мне срочно...

– Да уже пробивали по всем каналам, Ада, – сочным басом отозвался Писаренков.

– А ты, мой хороший, проверь еще раз, – ласково, но с нажимом повторила она, – и тут же мне позвони.

Как в предсказуемом кино, звонок от Писаренкова раздался в тот момент, когда Ада уже занесла было ручку над документом, собираясь поставить подпись. Сташков, помнится, еще поморщился недовольно, но, справившись с собой, вновь лучезарно заулыбался надутому, как индюк, раскрасневшемуся от июльской жары представителю высшей банковской касты.

– Ясно, Сереж, – лаконично ответила Ада. С легким шелчком захлопнула крышечку мобильного и, обедев взглядом всех присутствующих за столом, весело произнесла: – Всем спасибо за внимание, но мы отказываемся от сделки.

Ее фраза возымела тогда эффект не разорвавшейся бомбы, а внезапно обрушившегося на землю вакуума: все звуки исчезли, банкир, по-рыбьи выпучив глаза, дергал себя за галстук, словно тот душил его, Сташков, онемев, замахал на Аду руками, беззвучно раскрывая и закрывая рот. И только она, чему-то весело улыбаясь, спокойно собирала со стола свои вещи. В машине, чуть придя в себя от потрясения, Сташков чуть не сожрал начальницу вместе с чулками за подобную выходку, но потом, уже в офисе, когда Писаренков еще раз повторил, на этот раз при Игоре, ту небольшую, но такую значительную информацию, на которую они изначально не обратили внимания, благодарил Аду за предусмотрительность. Сделка, сулившая выгоду, в итоге обернулась бы для них не только большими потерями, но и подорванной репутацией.

Вот и сейчас она ощущала такое же беспокойство, как в то памятное утро. Сташков говорил о будничных, текущих делах, но тревога в ее душе почему-то не унималась. И теряла Ада нить разговора потому, что пыталась понять, чем это неприятное ощущение вызвано.

– Ада, ты меня слышишь? – прервал себя на полуслове Игорь.

– Слышу, – машинально ответила она.

– Слышишь, но не слушаешь, – пожурил ее Сташков. Ада хотела возразить, но вдруг покладисто вздохнула:

– Ты прав. Наверное, я плохо выспалась.

– Тогда, может, по кофе? – спросил зам и, не дождавшись ответа, нажал кнопку селектора: – Лина, сделай нам два кофе.

Ада незаметно улыбнулась, подумав, что с кофеманией Игоря бесполезно бороться. Мог бы оставить без внимания реплику о том, что не выспалась, так нет, моментально обратил ее слова в свою пользу – кофе-паузу! Но именно после того, как произнесла эту фразу, Ада внезапно поняла причину своей тревоги. И, как только пришло осознание, что беспокойство вызвано привидевшимся ночью кошмаром, немного успокоилась. Смешно, ей-богу, впадать в панику из-за сна! Хотя он и оказался очень неприятным.

Ей снилось, будто лежит она голая, раскинув руки и ноги «звездой», на каменном полу в зале с высоким потолком, подпираемым растрескавшимися колоннами. По плитам разметались ее длинные волосы, какими они были в прошлом (в настоящем уже какой год Ада носит короткую стрижку). Лицо свое она увидела белым и застывшим, словно гипсовая маска. Распахнутые глаза с сильно расширенными, почти поглотившими радужную оболочку зрачками казались стеклянными, как у куклы, из-за отсутствующего в них выражения. На приоткрытых губах запеклась кровь, левую щеку от виска до уголка рта рассекал глубокий порез. Пальцы на руках были скрюченными и напоминали лапы хищной птицы. Ада видела себя словно со стороны – это лишь ее тело лежало на полу, а сама она находилась вовне. Смотреть на себя было и страшно, и неприятно. Но уйти или хотя бы отвернуться она не могла. И вдруг на живот ее распластавшегося тела упала тень, и кто-то, шагнув вперед, на какое-то мгновение загородил лежащую девушку собой. Но тут же фигура резко развернулась, и девушка вместо лица увидела страшную маску. И почувствовала, что оторвалась от пола, но не воспарила, а стремительно полетела навстречу этой увеличившейся до гигантских размеров маске, чей открытый рот превратился в воронку...

После пробуждения сон выветрился из памяти, оставив лишь ощущение паники. И вот сейчас вспомнился. Привидится же такое!

– Ада, да что с тобой сегодня? Ты себя хорошо чувствуешь?

Оказывается, она, увлеченная воспоминаниями о своем сне, не заметила принесенного Линой кофе и, будто выпав в другую реальность, сидит за столом, машинально черкая ручкой на лежащем перед ней листе бумаги. Пытается нарисовать маску, которую видела где-то еще...

– Все в порядке, Игореш. Говорю же, спала плохо.

– Ты даже когда невыспавшаяся, все равно собранная, – напомнил Сташков. Ада оставила без комментариев его замечание, подвинула к себе чашку, обхватила ее, как в детстве, обеими ладонями и, поднеся к лицу, вдохнула ароматный пар. Она любила не столько вкус кофе, сколько его запах, который ее не бодрил, а успокаивал. Одно время в ее квартире на столиках и полках были расставлены маленькие хрустальные розетки с кофейными зернами. Нет, она не кофеманка, как Игорь. Она – токсикофеманка. Забавное словечко!

– Может, домой поедешь? – с заботой и тревогой спросил Сташков. Ада встрепенулась, совсем как недавно тот воробей за окном: неужели и правда выглядит такой рассеянной? Она поверх чашки глянула на зама. Игорь замер напротив с поднесенной ко рту чашкой, при этом его яркие и пухлые, как у юной девушки, губы были приоткрыты, словно он как раз собирался сделать глоток, но отвлекся. А из глаз цвета гречишного меда пропали обычные золотистые искорки, что означало нешуточную встревоженность Игоря. Ада давно научилась читать его истинные чувства по глазам. Сташков мог бодрым тоном вещать о том, что проблема разрулится, и дела и дальше пойдут круто, но если в его глазах не было этих золотистых искорок, Ада понимала, что все на самом деле обстоит не так радужно, как пытается расписать ей зам. И требовала от Игоря не врать. Впрочем, скрывать от нее какие-либо неприятности он пытался лишь в самом начале их сотрудничества.

– Слушай, возьми и правда выходной день. Отдохни, сходи по магазинам, как нормальная девушка, или съезди в спа-салон. Ничего не случится, если один день ты посвятишь не работе, а себе. Только выиграешь, – посоветовал Игорь и, так и не сделав ни глотка кофе, поставил чашку на стол. Ада хотела возразить – не столько ему, сколько себе, что она в порядке и день поработает до конца. Но неожиданно ответила совсем не то, что собиралась:

– Ты прав. Что-то мне нехорошо. Пожалуй, уеду. Справишься без меня?

– А то, – обиженно дернул плечом Сташков. Как она посмела в нем усомниться? Разве они вместе не два пуда соли съели?

– Я не сомневаюсь в тебе, – улыбнулась Ада и поднялась из-за стола. Процокала каблуками к одежному шкафу и извлекла из него невесомый плащ сдержанно-бежевого цвета.

– Завтра буду как обычно, – оглянулась она уже на пороге. Игорь лишь согласно кивнул и, подняв вверх руку, сжал и разжал пальцы, демонстрируя молчаливое прощание.

– Лина, меня сегодня уже не будет, – на ходу бросила Ада секретарше. – Все вопросы адресуй к Сташкову.

Направляясь к выходу, она поймала себя на том, что не просто покидает стены офиса, а торопится это сделать, воровато оглядываясь по сторонам и чувствуя приятно будоражащий кровь адреналин, будто была она в этот момент не хозяйкой компании, а школьницей, сбегавшей с директорского урока. Вероятно, такое сравнение было связано с тем, что Ада не помнила уже, когда в последний раз уходила из офиса задолго до окончания рабочего дня «просто так», а не на переговоры. И делала ли это вообще когда-нибудь? Но когда она уже вышла на крыльцо, опомнилась. Что она и в самом деле творит? До конца рабочего дня еще уйма времени, за эти часы можно столько всего успеть сделать! Ада мысленно пролистала ежедневник: кажется, на сегодня ничего сверхважного назначено не было, но у нее каждый день был значительным и важным! Она привыкла жить так, чтобы не расходовать время зря. Даже в выходные не позволяла себе валяться в кровати до полудня, вставала так же рано, как и в офис, ехала в фитнес-клуб и два часа истязала свое тело на тренажерах. Затем заезжала в любимое кафе, где заказывала на завтрак свежевывжатый сок и тосты, и час сидела там, просматривая в Интернете новости, документы, почту и планируя уже с субботы следующую неделю. Она и собаку, о

которой мечтала с детства, не заводила, потому что считала, что собака, как ребенок, внесет в слаженно работающий механизм ее жизни диссонанс. С четвероногим же другом надо гулять! Бродить час, а то и два в любую погоду по парку, бросать палку или мяч и думать при этом не о своих делах, а следить за тем, чтобы питомец не выбежал на проезжую часть, не погнался за кошкой, не сцепился с собратями, не испачкал лапами одежду случайного прохожего. А у Ады голова всегда занята сводками, отчетами, анализами, экономическими новостями. Она, хрупкая молодая женщина, не выглядевшая на свой тридцатилетний возраст, вела совершенно не женский бизнес. Не цветочным салоном владела, не мастерской по пошиву свадебных платьев и даже не агентством по устройству детских утренников. А возглавляла столичный филиал предприятия, занимающегося поставками цветных металлов.

И вот сейчас она стоит на крыльце и рассеянно озирает двор, чувствуя себя такой же потерянной, как заблудившаяся в лесу Маша из сказки про медведей. Просто вдруг не оказалось цели, и что делать с этими оставшимися от рабочего дня свободными часами, Ада не знала. Ею даже начало овладевать чувство, похожее на зарождающуюся панику, и, чтобы спастись от него, она решила вернуться в офис. Но в это время на залитое майским солнцем крыльцо высыпала на перекур группка сотрудников, и Ада, недовольно поморщившись, но ничего не сказав, спустилась и направилась к своей машине.

Уже вырulingая со двора, она подумала, что незаменимый Сташков дал ей дельный совет. На спа-процедуры она не поедет, но прическу обновит, тем более что все равно планировала на следующей неделе сделать стрижку. Так даже лучше, если она съездит сегодня: не нужно будет выгадывать время на потом. Ада знала, что ее примут и без предварительного звонка – Светлана, к которой запись была на две недели вперед, всегда найдет для нее «окошко».

Мастера посоветовала Юлечка, жена Сташкова, когда полтора года назад ушел из салона, в который привыкла ездить Ада, стилист Павлик. Ада обращалась к услугам других мастеров, но ни один из них не нравился так, как Павлик. И тогда Юлечка решила помочь приятельнице: позвонила в салон, в котором обслуживалась сама, и добилась того, чтобы Аду взяла именно мастер Светлана и даже прямо на следующий день. Ада поехала, но только чтобы не обидеть Юлю. В том, что касалось ее внешнего вида, она была консервативна, и, возможно, излишне. А каждый мастер так и норовил внести в ее привычный облик что-то свое, и частенько такой креатив не приходился Аде по душе.

Когда мастер приблизилась к ней, Ада окинула девушку придирчивым взглядом. Она решила, что, если увидит даму с пергидрольным перманентом, плохо покрашенными корнями или просто неряшливо причесанную, тут же встанет и уйдет. Но подошла к ней красавица с длинными волосами изумительного платинового оттенка, убранными в сложного плетения косу. Кожа у красотки, чуть тронутая легким загаром, была великолепна. А синие глаза вдруг показались знакомыми. Удивительно красивая девушка! Ада едва ли не с открытым ртом рассматривала ее в зеркало. И мастер тоже почему-то не спешила расспрашивать клиентку о желаниях и приступать к работе, а, комкая в руках накидку, ответно рассматривала Аду. «Ада? – наконец-то вымолвила мастер. – Ты меня не узнаешь? Или не помнишь? Я Света Юсупова...» – «О господи, Светка!» – обрадовалась Ада и резко повернулась к девушке. И несмотря на то что Ада не любила вспоминать прошлое и рассказывать о себе, со Светланой они разговорились. При этом мастер, поддерживая беседу, не забывала ловко орудовать инструментами. У девушек оказалось не только общее прошлое, но и обоюдное стремление как можно дальше от него отдалиться. Света Юсупова так же, как и Ада, работала на износ и от обычного парикмахера из парикмахерской-забегаловки на полтора кресла с окраины Москвы сумела подняться до высокооплачиваемого мастера в престижном салоне в центре столицы. Теперь ей доверяли свои головы не продавщицы из овощных лавок, а состоятельные капризные дамы.

Раз или два в месяц Ада приезжала в салон. Света-солнышко всегда щебетала во время работы о чем-то легком и приятном. Поначалу ее болтовня слегка раздражала, но потом Ада

привыкла и даже стала слушать старую знакомую с удовольствием. В один из последних визитов Ады Светлана поделилась радостью, что скоро выходит замуж, и с тех пор все ее разговоры сводились к рассказам о женихе и обсуждению фасонов свадебных платьев. И то ли дело было в расслабляющем массаже головы, который Аде делали во время мытья волос, то ли в приятном журчащем голосе Светланы, то ли в том позитиве, которым щедро делилась счастливая девушка, но напряжение после рабочего дня спадало. За что еще была благодарна Ада Светлане, так это за то, что знакомая не поднимала тему прошлого. Видимо, ей, как и клиентке, хотелось заретушировать и забыть все, что там было.

Света и *тогда* была приятной девочкой, самой, пожалуй, неконфликтной, доброжелательной и оптимистичной из их спальни. И уже тогда она проявляла талант, делая всем желающим красивые прически к празднику...

Поездка в салон оказалась напрасной. К Аде с обрадованной улыбкой вышла администратор, но, услышав, что клиентка желает попасть к постоянному мастеру, замешкалась с ответом. При этом ее личико, еще секунду назад сияющее, как солнце, нахмурилось и стало пасмурным.

– Ой... А Светланы сегодня нет. И вчера не было. И не знаем, когда она выйдет.

– Заболела? – погрузилась Ада. Что ни говори, а она уже настроилась и на приятный массаж головы, и на легкую болтовню Светланы.

– Даже не знаем, что случилось. Света не вышла на работу ни вчера, ни сегодня, а почему – не знаем. На звонки не отвечает. У нее мобильный вообще отключен.

– А адрес ее вам известен? – осведомилась Ада.

– Да, конечно. Съездили уже. Дверь никто не открыл.

– Может, она куда уехала?

– С женихом?.. Могла бы, теоретически. А практически – не похоже на Свету, она к работе подходит очень ответственно. О поездке предупредила бы обязательно. Знает ведь, что у нее все часы на две недели вперед расписаны. Ой... – спохватилась, что, возможно, болтает лишнее, администратор. – Может, вас примет сейчас другой мастер?

Но Ада отрицательно покачала головой.

– Хорошо. Тогда, как только Светлана появится, я вам позвоню и запишу на ближайшее время!

Ада вышла из салона, но остановилась на крыльце и набрала номер зама.

– Все в порядке, – отрапортовал Сташков. – Ты до дома-то хоть доехала или на полпути развернулась и мчишься обратно в офис?

– Еще не дома. По магазинам пройду, – сказала Ада и усмехнулась проницательности Игоря. Впрочем, за то время, что работают вместе, они изучили друг друга вдоль и поперек. Игорь знал, что Ада живет лишь делом. То ли работа беспощадно поглотила все ее интересы и время, то ли, наоборот, Ада позволила работе заполнить все пустоты в жизни, включая и сердечные.

Игорь вырвал у Ады обещание, что она остаток дня проведет отдыхая. И даже пошутил, что сделает потом запрос у Писаренкова: точно ли начальница ходила по магазинам или дома при опущенных шторах занималась работой?

Ну что ж, отдохнуть так отдохнуть! И Ада сделала то, чего не делала уже давно: походила по магазинам, затем пообедала в итальянском ресторане, а под занавес отправилась в кино.

Боярышники, 1913 год

Она ведьма... Ведьма! Как мой папенька может оставаться таким глухим и слепым, не видеть очевидного, не слышать, что говорят вокруг? Не иначе, как правда околдовала она

его, проклятая. Как может смотреть он такими влюбленными глазами на нее, как может не видеть меня, свою кровиночку, не чувствовать мое горе, не слышать меня?

Я решила поговорить с ним откровенно, открыть ему глаза на правду. После ужина, когда папенька имел обыкновение уединяться в своем кабинете. Привычка, которая не менялась годами. Я еле высидела до конца ужина, думая о том, как и что скажу папеньке. И еле дождалась того момента, когда папенька уединился у себя. Выждала немного и пошла.

Идя длинным коридором к папеньке, я вспоминала, как маленькой приходила к нему в кабинет. Папа любил вечерами читать, сидя у камина в кресле. А у меня была своя игра. Я тихо приоткрывала дверь, но не входила, а останавливалась на пороге и издали любовалась папенькой. Я ласкала взглядом его профиль, мысленно трогала его бороду, вспоминая, какая она мягкая на ощупь, если касаться ее ладонями, и какая колючая, если прижаться к ней щекой. А папенька не замечал меня, сидел в кресле, закинув одну ногу на другую, и внимательно изучал написанное. Я была мала, но уже знала, что папа любит читать научные книги по естественным наукам. Он хотел, чтобы и я росла образованной, и, вместо сказок на ночь, читал мне что-нибудь из истории, химии либо физики. Мне не бывало скучно, папенька умел так рассказать, что я слушала, одинаково завороженная, о Древнем Египте, законах Ньютона и Гей-Люссака, о теории химического строения Бутлерова.

Налюбовавшись на папеньку, я входила в кабинет, подкрадывалась к отцу на цыпочках и останавливалась в двух шагах от его кресла. Игрой моей было считать про себя до тех пор, пока папенька меня не увидит. Когда он отрывался от книги и наконец-то замечал меня, я радостно вскрикивала, и отец, засмеявшись, брал меня к себе на колени. А я обнимала его за шею так крепко-крепко, как могла. А потом, отстранившись, трогала руками его бороду, заглядывала в синие глаза, видела в них любовь и, счастливая, просила почитать мне то, что он читал до моего прихода. И он никогда не говорил мне, что книга – для взрослых...

...Он выслушивал меня всегда, даже если мои просьбы казались ему невыполнимыми. Никогда не перебивал, и если вынужден был отказать, то делал это так доходчиво и мягко, что я соглашалась с ним без обид. Я надеялась, что и в этот раз он меня выслушает и поймет. Но в тот вечер, когда я решила открыть ему правду, папенька впервые недослушал меня... Во время моего рассказа он хмурился, взгляд его становился пасмурным, как октябрьский день. И вдруг, перебив, закричал, что я наговариваю на мадемуазель и что, если он еще раз услышит от меня подобную нелепицу, велит наказать меня. Меня...

Мадемуазель папенька привез из недавнего путешествия по Европе на место старого и полуглухого мсье Николя, который в последние месяцы не столько занимался со мной языками и науками, сколько дремал в кресле у камина, пока я читала отмеченные им отрывки в книгах.

Я ожидала увидеть перед собой молодую красивую женщину, одетую по последней парижской моде, и предвкушала эту встречу. Мне не терпелось разглядеть ее восхитительные наряды, настоящие французские, сшитые парижским портным. Но когда папенька представил мне мадемуазель Мари, я могла подумать что угодно, но только не то, что она и есть та самая французская, предназначенная мне в гувернантки. Высокая и худая, с широкими мужскими плечами и ровной, будто у балерины, спиной, с огромными ступнями и такими же неизящными руками, она мне показалась страшилищем. Одетая мадемуазель была в темное шерстяное платье с простым лифом и юбкой, унылыми ровными складками спускавшейся до самых ботинок. Свои темные волосы мадемуазель завязала в тугий пучок на затылке, что совсем не добавляло ей красоты, напротив, такая прическа делала ее и без того малопривлекательное лицо совсем отталкивающим. Длинный нос спускался к верхней тонкой губе, левую щеку уродовало родимое пятно размером с двугривенный. «Бедняга», – подумала я, решив, что с такой внешностью мадемуазель никогда не выйдет замуж. Возраст Мари подходил к тридцатилетней отметке, а она оставалась незамужней девицей. И все же, хотя я в первое мгновение и пожалела ее, симпатии она не вызывала, напротив, было в ней что-то опасное, что

я почувствовала, да только не сразу придала этому значение. Ах, если бы я знала, чем это обернется...

С мадемуазель у нас сразу не сложились отношения, хотя я и очень старалась понравиться ей. Но что я получала в ответ на свои попытки завести с нею отвлеченные беседы и изящные комплименты, которыми я ее осыпала?.. Лишь едкие замечания: «Мадемуазель, вы опять неверно употребили форму глагола! И будьте добры повторить времена».

Ни ласкового слова, ни улыбки... Впрочем, кто смог бы заменить мою бедную матушку, которую я никогда не видела? Она умерла ради того, чтобы я появилась на свет, выменяла у Господа мою жизнь в обмен на свою. Папенька да кормилица Ульяна растили меня.

Ульяна первая сказала то, о чем я даже боялась подумать. «Ведьма она, прости господи... Ведьма самая настоящая! Как же он, Петр Алексеич, мог привезти ее для моей кроvinочки?» – «Да что ты такое говоришь, Ульяша!» – вступилась я за мадемуазель, а сердце так и забилось сильно-сильно. Моя кормилица чутье имела, как у кошки: если говорила, что мадемуазель ведьма, значит, правда то и есть. И стали вспоминаться мне те странности, которые водились за Мари: платья выбирает темные, даже в праздник, в церковь на службу ни разу не пришла. Иноземка, другой веры... Да разве оправдание это? Вера в Бога едина, как и един Бог. Старый мсье Николая никогда не пропускал воскресной службы!

А когда она смотрит на меня в то время, когда я отвечаю урок, ее взгляд делается застывшим, как у мертвой рыбы, и лицо ее кажется неживым, как у тех кукол, что она лепит.

Да и разве это христианское дело – то, что она творит? Ульяша мне рассказала, что вошла однажды в комнату мадемуазели, думая, что та ушла в деревню, но застала хозяйку на месте. И то, чем она занималась, напугало Ульяшу до визга. В первый момент моей бедной кормилице показалось, что у Мари на столе лежит ребенок, и проклятая ведьма оцупывает его лицо. Мадемуазель тоже напугалась до крика... И как же было горько Ульяше и мне, когда папенька в том конфликте неожиданно принял сторону этой чужеземки, а не кормилицы, растившей меня, заменившей мне мать!

Ульяша сказала мне, что увидела, как мадемуазель шептала что-то над той куклой. Заклинания, проклятия. А через два дня крепко занедужил ребенок поварихи. Отомстила проклятая ведьма бедной женицине: на прошлой неделе мадемуазель вошла в кухню в тот момент, когда кухарка смеялась прилюдно над иноземкой. И хоть не понимает по-русски Мари ни слова, догадалась, что насмеваются над ней...

Ребенок кухарки болен. И это не первый случай в нашем поместье, когда по вине ведьмы случаются беды. Это не я придумала! Люди кругом шепчутся, но не говорят открыто, боятся ведьмы: кто слово против скажет, тот потом непременно больной сляжет.

И на ней женится мой папенька...

* * *

И черт дернул Аду включить телевизор и попасть на канал, по которому как раз передавали криминальные новости! Она уже собиралась было переключиться на другую программу, как вдруг услышала имя Светланы Юсуповой. Да так и замерла перед телевизором с направленным на него пультом. Мало ли Светлан Юсуповых в столице? Но сердце неприятно кольнуло, а по спине вдруг прошел холод, словно внезапно распахнулась форточка и ночной ветер ледяной ладонью приласкал Аду.

Камера вначале стыдливо скользнула по оклеенным цветочными обоями стенам небольшой комнатки, уткнулась всевидящим оком в диван-книжку, с особым вниманием отметив почему-то наполовину сдернутый с него плед. Мельком скользнула взглядом по книжной этажерке и наконец-то остановилась на лежащем возле дивана теле девушки. Одна нога той запу-

талась в складках упавшего на пол пледа, на вторую была надета тапочка. Халатик на девушке некрасиво задрался, обнажив треугольник трусиков. Камера с особым сладострастием скользнула по оголенному животу девушки, затем продемонстрировала разметающиеся по ковру светлые длинные волосы и только после этого показала лицо несчастной. И хотя Ада уже предчувствовала, что этой девушкой окажется ее знакомая, невольно вскрикнула, увидев лицо Светланы.

Когда первое потрясение прошло, Ада смогла вслушаться в слова и понять то, о чем бесстрастно вещал репортер. А говорил он странные вещи – что Светлана покончила с собой, наглотившись таблеток...

Программа уже давно закончилась, на экране бойко мелькали рекламные ролики, а Ада все так и стояла перед телевизором с пультом в руке. «Она же замуж собиралась!» – первая мысль, которая появилась в ее опустошенном такой новостью сознании. Не могла Светлана покончить с собой! Не могла, и все тут! Она же была так счастлива! Но, может, ее бросил жених почти перед самой свадьбой?..

Ада металась по квартире, не зная, что делать, куда себя девать. И только лишь мысль, что на Светиной работе, возможно, до сих пор не знают о случившемся, вернула Аде способность действовать. Она бросилась к телефону, отыскала номер салона и позвонила. Длинные бесконечные гудки показались ей тягучими, как разогретая карамель. Ада даже не сразу отдала себе отчет в том, что считает их, а когда досчитала до четырнадцати, запоздало сообразила, что в такой поздний час в салоне просто никого нет.

Полночи она пролежала в кровати без сна, думая о Свете. Она не гадала уже, что могло послужить мотивом для такого страшного поступка, нет, она просто, чтя память умершей, перебирала в памяти картины из прошлого, в которое так не любила заглядывать.

Со Светланой на протяжении многих лет они делили одну спальню, одежду, косметику. Делили жизнь. И пусть близкими подругами они не были ни тогда, ни сейчас, не поверяли друг другу секреты, общего у них было гораздо больше, чем у душевных подружек. Их одинаково пометила жизнь, они обе из всех сил старались выстроить свое будущее, смотреть вперед и не оглядываться назад. Ада понимала ту радость, с какой Светлана рассказывала всему миру о предстоящей свадьбе, и осознала, почему сама слушала эти разговоры с жадностью. Потому что будущая свадьба обещала Светлане то, чего у нее не было раньше, – семью. И Ада, слушая рассказы девушки, грелась возле чужого счастья, тайно благодарная за то, что ей ненадолго позволили расположиться у теплого огонька строящегося семейного очага.

Боярышники, 1989 год

Боярышники, утратившие свое оригинальное название в советские времена, а затем вернувшие его к выпуску Ады, застенчиво прятались от населенных пунктов за неширокой полосой хвойного леса. Отгороженные от мира не только каменным забором, поверху которого вилась колючей змеей проржавевшая проволока, но и лесополосой, они казались островком, затерявшимся в сосновом океане. Но это обманчивое впечатление развеивали доносившиеся до территории Боярышников приглушенный гул электричек и ритмичный стук колес товарняков. Одноименная станция находилась от главного здания бывшей усадьбы не так уж далеко в километровом измерении, но на практике выходил достаточно приличный путь – прямой дороги не было. Сначала требовалось пересечь «зазаборную» территорию, растянувшуюся на пару километров, затем, сойдя с асфальтированной дороги, упирающейся в глухой забор, свернуть налево на утрамбованную до каменистой твердости тропу, пересекающую хвойную посадку по направлению к выходу. Ворота в те времена, когда усадьба принадлежала графу Боярышникову, не были главными и предназначались для простолюдинов. Когда-то они были деревянными, простыми, но все же куда лучше той металлической ставни, со скрипом и стоном

двигающейся теперь по рельсе. Парадные же ворота для хозяев и гостей снесли еще в начале прошлого века, когда усадьба перешла в руки новых, «красных», властей, а образовавшуюся брешь заделали.

Покинув территорию, нужно было пересечь лес, а затем через поле по узкой тропе минут пятнадцать идти к станции. По ту сторону железнодорожного полотна располагался поселок, бывший когда-то двумя деревнями, постепенно слившимися благодаря новым постройкам в один большой населенный пункт. Иногда, раз-два в месяц, в него выводили на прогулку воспитанников Боярышников.

Ада историей бывшей усадьбы не интересовалась. Этот дом так и не стал ей родным, хотя она и провела в нем большую часть жизни. Девочка знала лишь то, что знали все воспитанники: бывшая усадьба после революции волей новых властей превратилась в приют для сирот. Во время Второй мировой войны главное здание оборудовали под госпиталь, а в послевоенное время сделали детский дом. В этом статусе бывшая усадьба просуществовала еще двадцать лет. Затем, когда дом потребовал капитального ремонта, детей расформировали по другим домам, а территорию закрыли. Но по каким-то причинам ремонт отложили, и усадьба простояла в запустении пятнадцать лет. Может быть, так и разрушилась бы со временем, но сменившиеся местные власти спохватились, что Боярышники представляют собой историческую ценность. И отреставрированная усадьба, ставшая теперь интернатом, вновь приняла детей из неполных и неблагополучных семей. Вот и все, что знала Ада о том месте, в котором прошла значительная часть ее жизни.

Главный корпус, трехэтажный, где учились и жили воспитанники, напоминал Аде увиденный на открытках Смольный: подобную ассоциацию вызывали арочные окна и колонны, удерживавшие козырек над входом. Только вот институтом для благородных девиц интернат никак нельзя было назвать.

До семи лет Аду воспитывала тетка-инвалид. О своей младшей сестре, матери Ады, тетка всегда отзывалась пренебрежительно и брезгливо, не щадя чувств маленькой девочки: «Шалава!» Что стало с матерью, девочка точно не знала. По одной версии, сбежала с очередным хахалем и погибла от его побоев, по другой – что-то сама сотворила с собой на почве несчастной любви. О новорожденной дочке мать-кукушка совершенно не заботилась, подкинула ее в «гнездо» старшей незамужней сестры еще младенцем и упорхнула налаживать свою личную жизнь. Мечтала, что будет жить ярко и празднично, как райская птичка, но получила в итоге лишь болотную трясику.

Тетка Анжела, скрюченная, горбатая, с длинными, как у обезьяны, руками, с детства страдала тяжелым заболеванием, перекутившим ее позвоночник, изуродовавшим конечности и превратившим жизнь в бесконечный ад. Дожила она в одиночестве почти до сорока лет и прожила бы так и весь остаток своей не балующей разнообразием жизни, если бы ей на шею не свалилась эта орущая, голодная, требовательная девочка. Анжела как-то рассказала Аде, что беспутная мать просто принесла завернутую в одеяло дочь к старшей сестре, положила девочку на пороге и, позвонив в дверь, преспокойно ушла. И не знали ничего о молодой женщине до тех пор, пока не пришло известие о ее кончине. «Подохла, как собака», – цедила сквозь зубы Анжела, но беззлобно, в душе жалея беспутную младшую сестру. Об отце девочки ничего не было известно, хоть тетка и пыталась найти его: выпрашивала местных сплетниц в надежде узнать, с кем около года назад путалась ее сестра. Но когда Анжела увидела одного из тех «кавалеров», решила, что пусть уж у девочки вовсе не будет отца, чем вот такой, опустившийся ниже некуда. Разборчивостью в любовных связях младшая сестренка не отличалась.

И хотя этот крест – поднимать ребенка на нищенскую пенсию едва передвигающегося инвалида – легким никак нельзя было назвать, Анжела не жалела, что взвалила его на себя. Она и не ожидала от жизни подобного чуда: с тем, что ее судьба – коротать отведенные ей

годы в одиночестве, – она смирилась еще в молодости. Сознательно запретив себе мечтать, надеяться, желать, Анжела добилась того, что превратила себя в замкнутую, ворчливую тетку с окаменевшей душой. И сама от себя не ожидала, что вдруг на камнях может прорасти молодой, но оказавшийся таким сильным росток любви.

Анжела любила девочку, но, сама не зная ласки и нежности, не могла выразить чувства: нескладные руки, порой тянувшиеся, чтобы обнять сиротку, опускались нерешительно, так и не коснувшись девочки. Не баловала Аду (на нищенскую пенсию особо и не разбалует), держала в строгости, за проступки наказывала, но за успехи и достижения не скупилась на похвалу. И по-своему учила жизни. «Смотри мне, Адка, будешь рохлей, не будешь за кусок свой драться, запинаят тебя, останешься голодной. Сироту обидеть проще всего, никто не заступится! Не на доброго человека надейся и не на боженьку, а на себя, только на себя», – внушала Аде тетка. И девочка слушала, мотала наставления себе на ус. Анжела с радостью отмечала, что растет племянница смышленной и сообразительной – не оправдались опасения, что из-за плохой генетики девочка будет страдать слабоумием. Анжела, глядя на умненькую девчушку, все больше и больше подвергала сомнению версию, что родилась она от местного пьянчужки. А что, если у сестры случился роман с интеллигентным, но женатым мужчиной, может быть, каким-нибудь профессором? Анжела придумала такую историю и сама поверила в нее. И частенько приговаривала: «Адка, придет время, учись! Светлая голова тебе дана не для того, чтобы прическу носить, а чтобы думать! Умные далеко идут. Будешь учиться, станешь большим человеком, а не будешь – пойдешь в дворничихи. И будешь жить как Симка. Ты же ведь не хочешь так?» Ада не хотела. К дворничихе Симке она относилась со смесью страха и брезгливости, потому что была та вечно пьяной, горланящей непристойности, ободранной, как бездомная. Впрочем, и квартиры приличной у дворничихи не было, жила она в котельной, где спала, ела и принимала ухаживания и ласки от таких же, как сама, перманентно нетрезвых кавалеров. Ада точно не хотела так жить.

«И шалавиться мне не вздумай!» – на будущее просвещала маленькую девочку тетка, считавшая, что нечего скрывать от крохи правду жизни. «Ты же не хочешь закончить так, как твоя мать? Хуже собаки подзаборной. Ты же ведь так не хочешь, Адка?» И маленькая Ада, хоть и не понимала значения слова, но догадывалась, что тетка предупреждает о чем-то плохом. Нет, «шалавиться» она не желала.

Когда девочке исполнилось семь лет, тетка отдала ее не в обычную школу, а в интернат. Болезнь Анжелы усугубилась, растить племянницу становилось все сложнее. «Ничего, пусть поучится жизни, пригодится», – ворчала тетка, думая о скором отъезде Ады. Утешала она таким образом не столько девочку, сколько саму себя и украдкой смахивала слезу. Выхлопотать интернат для племянницы оказалось едва ли не так же сложно, как в свое время оформить опеку. Если раньше Анжела изо всех сил старалась доказать, что она, несмотря на свою инвалидность, справится с такой серьезной обязанностью, как воспитание девочки, то теперь, ради того, чтобы племянницу определили на обеспечение в интернат, пришлось убеждать инстанции в обратном.

Ада не знала, как реагировать на подобные перемены. С одной стороны, жила она с теткой замкнуто, практически не общаясь со сверстниками, а ей хотелось, как и любому ребенку, играть и разговаривать с другими детьми. Но перемены и пугали, само слово «интернат» казалось некрасивым и настораживающим. Как ее примут в том мире, в котором правят свои законы? Тетка не была с ней ласкова, порой – сурова, но Ада чувствовала, что Анжела ее по-своему любит, да и она сама тоже любила тетку, заменившую ей мать.

В день отъезда у Ады приключилась истерика. Плакала девочка редко, даже когда ей бывало очень больно: закусит губу и дышит часто и громко, пережидая, когда отпустит боль. От обиды – не плакала тем более. Уйдет в уголок, сядет тихонько и молчит, рассматривая диковинные цветы на выцветших обоях, ждет, когда тетка первая позовет ее мириться. А в

то утро, когда за Адой пришла незнакомая женщина – соработница, раскричалась и расплакалась. Увели девочку, затаившую в душе обиду, почти силком. И не видела она, что, когда за ней захлопнулась дверь, тетка прижалась лбом к вытертой обивке и тихонько завывала. Тетка Анжела, железная до мозга костей, с эмоциональной пустыней в душе, рыдала и причитала, как профессиональная плакальщица, с трудом сдерживая порыв броситься, насколько позволяла ее немощь, вслед за соработницей и вернуть девочку. Душевная боль была невыносимой: не утешало и то, что девочка будет приезжать на каникулы.

Первый месяц в интернате Ада прожила отрешенно, ничего не запомнив из того, что происходило, не обращая внимания ни на людей, ни на предметы обстановки, словно находилась она не внутри жизни, а на ее обочине. Не слышала, не чувствовала, не наблюдала, передвигалась угловато, словно механическая кукла, ела, не разбирая вкуса, на уроках не могла сосредоточиться, ни с кем из других воспитанниц подружиться не пыталась. В день приезда окружила ее группа девочек, которые стрекотали, как сороки, дергали за платье, куда-то тянули. А Ада лишь испуганно отдергивала руки, когда их касались, и молча таращилась на незнакомых девочек, одетых в одинаковые уродливо-коричневые платья. Ни имен, ни лиц она не запомнила, соседки по комнате ей вообще в первое время виделись одинаковыми, будто высаженные на магазинную полку пупсы.

Постепенно она начала «прозревать»: окружающие перестали казаться безликими, имя воспитательницы наконец-то достигло слуха и засело в памяти – Анна Макаровна, которую за спиной называли Макароновой. Ада сидела на уроках одна: девочки быстро поняли, что с ней, буквой, неинтересно находиться рядом, все равно что соседствовать со столбом. Но однажды и у Ады оказалась за партой соседка, девочка под села к ней перед уроком и вдруг без всякого вступления сказала:

– А моя мама – актриса!

И оттого, что разговор был начат так неординарно, Ада вдруг словно проснулась и будто впервые увидела заговорившую с ней девочку. Соседка по парте была красива, как немецкая кукла, которую однажды Ада видела в магазине: с волосами цвета зрелой пшеницы и синими, как июльское небо, глазами – невероятно красива, так что Ада безоговорочно поверила в то, что у этой юной красавицы мама и вправду актриса.

– Только она постоянно на гастролях, моя мамочка, вот я и живу тут, – вздохнула собеседница.

– Да нет у тебя никакой мамочки! – оглянулась на их парту сидевшая впереди девочка. Ада впервые рассмотрела лицо и той – широкое и плоское, как блюдо для пирогов, с приплюснутой переносицей и узкими «длинными» глазами с приподнятыми к вискам наружными уголками. Внешность у девочки была необычной – Ада никогда не видела подобных лиц и поэтому не сразу смогла для себя решить, красива та или, наоборот, безобразна. Все дни до этого Аде было достаточно одного вида широкой спины впередисидящей девочки – за ней так удобно было прятаться от взгляда учительницы, – теперь наконец-то «увидела» и ее лицо.

– Есть! Есть! – занервничала соседка Ады. – Ты ее не видела, потому не веришь! А я фотографию покажу! Моя мама – известная актриса!

– Ну да, а папа – летчик! – засмеялась круглолицая девочка и отвернулась.

– Ничего он не летчик, – пробормотала себе под нос девочка-кукла. – Противная Райка, вечно она...

– Как тебя зовут? – спросила Ада, увидев, как страдальчески искривилось личико девочки, собирающейся вот-вот заплакать. Ада тогда еще не знала, что на самом деле всех этих пап-моряков, летчиков и военных, а мам-актрис не существует. Нет, родители у всех, конечно, были, но они имели далеко не такие интересные и романтические профессии.

– Света, – ответила девочка и в ответ полюбопытствовала: – А почему у тебя глаза разные?

У Ады глаза и вправду были разноцветными: один – синий, другой – зеленый. Она знала об этом с детства, но, пока была маленькой девочкой, ее это совершенно не заботило. Это уже потом, в подростковый период, когда переживания по поводу не той формы носа, ног, количества веснушек, худобы или полноты соперничают с любовными и занимают едва ли не самое важное место в жизни, Ада стала комплексовать по поводу «неудавшихся» глаз. А в семилетнем возрасте ей даже казалось интересным иметь такую особенность. Но что ответить любопытной соседке? Сказать, что такой родилась – скучно. Хотелось поразить воображение девочки, у которой мама – «актриса».

– А у меня глаза волшебные, – на ходу придумала Ада. – Я могу видеть ночью, как кошка.

Так одно время соседки по комнате и верили, что она обладает зорким ночным зрением, пока однажды впотьмах Ада позорно не споткнулась об ведро с водой, поставленное у ее кровати. Это девочки, наущенные Зинаидой, решили проверить, правда ли Ада видит ночью...

Ее годы в интернате похожи на мозаику: черно-белые, а временами – цветные. Десять лет, третья часть прожитого, а как будто – вся жизнь...

* * *

Спать Ада легла раньше обычного. Репортаж о гибели Светланы выбил ее из привычной колеи настолько, что не смогли увлечь ни рабочая переписка, ни присланный Сташковым мейл с сообщением о намечающейся сделке, ни брошенный на самом интересном месте роман, который Ада начала читать три дня назад. Она выпила на ночь липового чаю и уснула на удивление быстро, но спала беспокойно: то просыпаясь, то мучаясь кошмарами.

Наутро чувствовала себя неважно, словно после похмелья: голова была тяжелой, туманилось сознание, болезненно пересохло горло. Рассеянно собиралась на работу: бродила по квартире, натываясь на стены и предметы, забывая, что необходимо сделать или взять. Вместо сахара всыпала в чашку с чаем две ложки кофе, почистила зубы кремом для рук, пиком же рассеянности стало то, что вышла Ада из дома в домашних тапочках и заметила это только в машине. Чертыхнувшись про себя, она вновь поднялась в квартиру, чтобы переобуться. Не зная, на кого спихнуть вину за то, что день с самого утра пошел наперекосяк, Ада сваливала ее на Сташкова, потому что тому вчера пришлось в голову отправить ее домой раньше обычного времени. Если бы она не уехала так рано, не включила бы телевизор и не увидела репортаж о гибели Светланы, нарушивший ее душевное равновесие и сбивший привычный ритм жизни, то не провела бы еще одну ночь в кошмарах, а проснулась бодрой и собранной, как всегда.

– Очнись! – сердито оборвала себя Ада. Ну что она, в самом деле, выдумывает! О гибели Светланы она и без того узнала бы рано или поздно. Так при чем тут Сташков? И вообще он лишь предложил ей отправиться домой пораньше, а она с радостью ухватилась за этот подарок.

День, в которыйходишь с левой ноги, чаще всего и дальше идет вкривь и вкось. Не успела Ада завести двигатель, как на ее мобильный раздался звонок с неизвестного номера.

– Ада? – уточнил приятный мужской голос. Такие голоса – низкие, сочные, глубокие – ей всегда нравились, поэтому и ответила неожиданно для себя с ноткой кокетства:

– Она самая.

– Доброе утро! Владимир Сухих тебя беспокоит.

И незнакомый собеседник замолк, будто ожидая выражения бурной радости, но имя не вызвало у Ады никаких воспоминаний. Мужчина молчал. Длительная тишина усугубляла нервозность девушки: не получалось вспомнить, где она могла слышать имя позвонившего, где, при каких обстоятельствах они встречались (а ведь наверняка где-то виделись, если он звонит ей так просто и ждет ее реакции).

– Ада, вспомнить, что ли, меня не можешь? – угадал мужчина и тихо засмеялся в трубку. И от его смеха – приятного – Ада сконфузилась еще больше.

– Э-э... – протянула она. – Мы с вами встречались месяц назад на банкете в честь...

– Нет, не на банкете, – перебил собеседник, уже не смеясь, но с веселыми нотками в голосе. – Ладно уж, не буду тебя мучить. Не маленькие, чтобы в угадалки играть, хотя, если бы ты вспомнила детские игры, вспомнила бы и меня.

Смутное, зыбкое ощущение, которое все еще не удавалось ухватить за ускользающий край, шевельнулось в душе: когда-то раньше она действительно встречалась с этим Владимиром... И не на деловых ланчах и ужинах, а в обстановке, не имеющей никакого отношения к ее настоящему. Этот человек из ее прошлого. Но едва воспоминание, подобно изображению на фотобумаге, начало проявляться в памяти, как мужчина не утерпел:

– Адка, вспомни интернат!

– Вовчик! – воскликнула Ада, в последний момент едва сдержав уже готовую сорваться с языка намертво прилипшую в те годы к мальчишке кличку, идущую вразрез с его фамилией – Мокрый. И в памяти визуализировался образ белобрысого, плохо стриженного мальчишки в неопрятной одежде, висящей на его нескладной костлявой фигуре подобно рубищу на огородном пугале. Вовчик получил свою кличку за то, что у него из носа вечно текло – зимой и летом. Жестокие дети изначально дали ему куда более прямое прозвище – Сопливый, и отказывались с ним водиться, но благодаря чьей-то доброй душе, имевшей авторитет, кличку смягчили до Мокрого.

– Он самый! – обрадовался Владимир, что Ада его вспомнила.

– Как ты меня нашел?

– Не так просто, как хотелось бы, но нашел, – лаконично ответил Сухих.

Ада слушала его голос и не могла отделаться от ощущения, что это какая-то шутка, потому что этот обволакивающий, глубокий низкий голос никак не мог принадлежать писклявому Вовчику.

– Ада, мне нужно с тобой поговорить, – перешел к делу Владимир. – Это очень срочно и важно.

– О чем? – с тоской в голосе вяло отозвалась Ада. Ей подумалось, что Вовчик нашел ее ради того, чтобы воспользоваться «связями» в личных целях: либо попросить денег, либо устроить его на работу. Год назад в ее офис завалилась полупьяная бомжиха, которая устроила настоящий переполох. Как пьянчужке удалось пробраться сквозь доблестно сторожащих вход в офис двух охранников, осталось загадкой. Похоже, непрошенная гостья воспользовалась мгновением, когда оба охранника на что-то отвлеклись, и успела ужом проскользнуть мимо них. Но, однако, незамеченной далеко не ушла: аромат, совсем не шанелевский, густым шлейфом тянувшийся за ней, мигом привел охранников в чувство боевой готовности, и те ринулись следом за уже деловито семенящей по коридору пьянчужкой.

Возможно, ту бы тут же выдворили обратно на улицу быстро и без шума, если бы в тот момент Ада не вышла из своего кабинета. «Ого!» – обрадованно-удивленно провозгласила бомжиха, останавливаясь перед Адой. Уперев грязные руки в бока и широко, по-матросски, расставив ноги, пьянчужка расплылась в улыбке, продемонстрировав прореженную в драках челюсть, и заорала: «А вот она какая стала, наша Адуся! Ну что, подруга, дай-ка мне тебя обнять! Да встречу-то и отметить не мешает...» Ада брезгливо поморщилась и отступила назад, а затем бросила красноречивый взгляд на охранников. «Уволю!» – прочиталось тем во взгляде начальницы, и бравые молодцы, не сговариваясь, бросились к бомжихе, скрутили ей руки за спиной. «Да вы что?!» – искренне возмутилась «гостья», явно настроившаяся не на такой прием. После витиеватой тирады, в которой подробно народными словами объяснялось, куда стоит пойти невежливому охранникам, пьянчужка выкрикнула: «Да я ж бывшая подружка вашей барыни! Зинаида я! Адка, ты что, ох...» – полетели теперь «эпитеты» уже в адрес Ады. «Зинку не помнишь, гадина такая? А кто тебе на Новый год платье синее одолжил, забыла?» – «Ты ко мне за платьем пришла?» – холодно осведомилась Ада, стараясь не

показать брезгливости. «Ну, можно и за платьем, – согласилась Зина. – А вообще-то денег не плохо... Ты вон у нас какая богатенькая стала, а я...» В это время, не дожидаясь ответа хозяйки, охранники потащили завизжавшую и вновь разразившуюся народным сленгом Зинку к выходу. А Ада в заминке осталась стоять на месте, но, когда одна из дверей приоткрылась и в коридор высунулось удивленное и любопытное лицо одного из служащих, поспешно ретировалась к себе. Уже попав на свою территорию, Ада подумала, что надо было дать Зинке денег. За прошлое. Хотя бы в качестве запоздалой благодарности за то синее платье, сыгравшее в ее судьбе важную роль. Впрочем, эта встреча оказалась не последней. Зинаида подкараулила Аду вечером, когда та выходила из офиса. Шагнула навстречу из тени призраком прошлого и угрожающе провила: «Компенсацию, барыня, за твоих холопов не желаешь выдать? А не то...» Дослушивать про «не то» Ада не стала, подхватила, преодолевая тошноту, бомжиху под локоть и быстро повела за собой. Отойдя за здание, она торопливо щелкнула замком сумочки и вытащила кошелек, не считая, вынула из него почти все купюры, оставив лишь пару банкнот на всякий случай, и сунула в грязную руку бомжихи деньги. «Трать с умом, чтобы надолго хватило!» – «Вот спасибо! – заулыбалась щербато Зинка. – Вот чувствовала я, что ты, Адка, в говно не превратилась. Спасибо!» – «И больше тут не показывайся, а не то...» И Ада стремительно ушла. Однако угроза не подействовала – Зинка появлялась возле офиса еще не раз, и не одна, а со своими помоечными приятелями. Устраивали дебоши, выли и орали под окнами, пугая прохожих, один раз разбили бутылкой стекло, а однажды чуть не подожгли офис. Закончилось это светопреставление через две недели мучений: говорили, что Зинку зарезали в пьяной драке. Ее дружки дерзнули было сунуться к офису и самостоятельно, но были быстро отпшты, а без своей боевой атаманши в повторную атаку ринуться не рискнули.

Поэтому, услышав, что бывшему однокашнику нужно с ней поговорить, Ада загрустила.

– О чем, Вовчик? – повторила она, машинально назвав его тем уменьшительным именем, каким раньше его звали в интернете.

– О прошлом, – вбил мужчина одним ударом гвоздь. – О том, Ада, что случилось пятнадцать лет назад.

– Пятнадцать! – воскликнула она нарочито легкомысленным и беззаботным тоном, за которым неумело постаралась скрыть возникший страх. – Это много лет, Володя. Я уже не помню, что...

– Помнишь, – резко прервал он ее, и бархатные нотки в его голосе неожиданно сменились режущей сталью, – и понимаешь, что я имею в виду.

– Зачем тебе это? – сдалась Ада. Уж лучше бы он денег просил!

– Встретимся, объясню. Не телефонный разговор. Но, уверяю, иметь он будет для тебя жизненно важный интерес. Да, именно так – жизненно важный...

– Ты как будто мне угрожаешь...

– Угрожаю? – рассмеялся «призрак из прошлого». – Нет, Ада, я тебе не угрожаю. Хотя опасность над тобой действительно нависла. А я лишь предостеречь хочу. Так что, встречаемся?

– Где и когда?

Лучше уж поскорее покончить с этим неприятным разговором, который положила руку на сердце затевать совершенно не хотелось. Как и встречаться с кем-либо, с кем прошли годы ее детства и юности. Только Светлана стала исключением. И не только потому, что между ней и Адой установилось полное взаимопонимание мастера и клиента, но и потому, что со Светланой Аду роднило отчаянное стремление создать как можно больше «перекладин», чтобы по этой «лестнице» выбраться из ямы прошлого в благополучное будущее. Это слово «благополучное» для них, проживших детство под ярлыком «из неблагополучных семей», казалось ключевым. «Неблагополучные» – стало клеймом, выжженным не на коже, а в душе.

Ада ничего не знала об остальных девочках, с кем делила интернатовскую спальню с выкрашенными в больничной зеленой цвет стенами, которые они своими силами пытались «одомашнить» постерами. Плакаты висели каждый раз недолго, их сдирали с ругательствами и проклятиями уборщица Нюра, но на их месте неизменно появлялись новые.

Картинка с теми постерами возникла в памяти так ярко, что Ада на мгновение выключилась из реальности и вздрогнула, когда в трубке раздался голос Вовчика:

– На Маяковке через сорок минут? Позавтракаем вместе в кафе, там такие вкусные блины подают!

Ада хотела возразить, что не привыкла завтракать блинами. Да и вообще уже позавтракала – апельсиновым соком и мюсли. Но... воображение тут же нарисовало стопочку ароматных ажурных блинов и блюдечко с густой сметаной. Она записала координаты кафе и сказала, что придет, а затем без душевного трепета и угрызений совести набрала номер Сташкова и сообщила, что задержится, подъедет в офис позже. Игорь не удивился, так, словно это было в привычке Ады опаздывать на работу.

Боярышники, 1914 год

Жизнь с мачехой – горше полынной настойки. Папенька ходит счастливый, с не сходящей с его губ улыбкой и мягким светом в глазах. Но улыбка и нежный взгляд не принадлежат более мне, всем его вниманием завладела эта чужеземка, пакостная ведьма.

Со мной она обращается по-прежнему с холодной учтивостью, ничего, казалось бы, не поменялось в наших отношениях... для тех, кто видит это со стороны. Но я чувствую всю ее нелюбовь и... боюсь. Боюсь, что в один день слягу с ужасной болезнью и умру, и виновата в этом будет она, чужеземка, – ненавистная теперь уже мадам, отнявшая у меня папеньку.

А мой бедный отец, безумный слепец, отравившийся в почтенном возрасте, как юнец, ядом любви, для обожжаемой Мари готов звезды с неба снимать руками. Сделал ей рядом со своим кабинетом мастерскую, и теперь эта ведьма лепит ужасные куклы, так похожие на живых людей, не скрываясь. Отец даже отдал одну из зал под выставку, которая пополняется этими уродцами. А какой свадебный подарок сделала Мари отцу?.. Две куклы, похожие, как близнецы, на моего папеньку и на нее саму! Я пришла в ужас, отец – в восторг. После этого он и велел оборудовать для Мари мастерскую, чтобы могла та вволюшку тешииться любимым делом... Да если бы знал он, что за «любимое дело» у его женьюшки! Ульяша по секрету, крестясь и испуганно озираясь, рассказала, что ведьма берет с покойников волосы для кукол! Христианское ли это дело! Когда я поведала об этом папеньке, он и слушать меня не захотел, засмеялся, потом рассердился. И строго сказал, чтобы я не слушала сказки необразованного народа. Я расплакалась, а потом всю ночь мне снились ужасные сны о том, как покойные, сверкая в лунном свете голыми черепами, поднимаются по парадной лестнице нашего дома, бредут по коридору, скалясь в страшных ухмылках. Рыщут по комнатам, врываются в спальни, воют, распространяя вокруг себя гнилостный смрад, – ищут, где ведьма Мари прячет свои ужасные куклы. А я, бедная сиротка, сижу, боясь вздохнуть от страха, в самом темном уголке своей комнаты и молюсь, чтобы ужасные «гости» не ворвались ко мне. И вот до моего слуха доносится радостный вой: это покойные нашли залу с куклами. И я наконец-то перевозжу дух. Но тут чья-то рука, царапая кожу головы когтями, цепляется мне в волосы – и я с ужасным криком просыпаюсь. После того страшного сна я целый день была больна.

В один из вечеров Ульяша тихо постучала в мою комнату и, когда я разрешила ей войти, шмыгнула торопливо, словно мышка.

– Я слышала... – сказала кормилица, прижимая ладонь к часто вздымавшейся груди, будто бежала ко мне, а не шла. – Лизавета увидела...

– Что увидела, Ульяша? – нетерпеливо поторопила я кормилицу, так как, не договорив, она в нерешительности замолчала.

– Эта Мари... Куклу она лепит с твоим лицом! – выпалила Ульяша разом.

Наверное, я побледнела, потому что кормилица вдруг бросилась ко мне и, прижав к могучей груди, испуганно забормотала:

– Девочка, девочка моя, тебе нехорошо? Воды дать? Сейчас, погоди...

– Не надо воды, Ульяша, – слабо сказала я, на самом деле чувствуя дурноту. Новость, которую принесла мне кормилица, могла означать лишь одно...

– Никак извести она тебя задумала, окаянная! – с гневом и горечью воскликнула Ульяна и, спохватившись, уже зашептала: – Лизавета убиралась в комнате мадам, в той, которую ваш папенька отдал для мастерства. И увидела куклу, похожую лицом на моего ангела... Душа моя, Асенька...

На глазах кормилицы показались слезы.

– Нашепчет, на кладбище снесет куклу. А там...

– Замолчи, Ульяша! – рассердилась я. Мне и без того страшно, так зачем она пище страху нагоняет?

– Прости, прости дуру старую... – смутилась кормилица. – Лизавета сразу ко мне бросилась, предупредить. А я – к тебе. Папеньке бы вашему сказать!

– Папенька не поверит, – с горечью ответила я. – Он восхитится и обрадуется. Решит, что мадам мастерит мне подарок.

– Я украду эту куклу! – с живой горячностью воскликнула Ульяна. Но я покачала головой:

– Мадам новую сделает.

От страха дурнота накатила новой волной, и я схватилась за стену, чтобы не упасть.

– Душа моя, Асенька... – запричитала Ульяна. – Приляг, приляг, милая. Я воды принесу.

– Ульяна, придумай что-нибудь! – прошептала я, складывая ладони у груди, как в молитве. – Придумай! Папенька мне не помощник. Только ты одна у меня осталась!

– Придумаю, мой ангел. Придумаю! – пообещала верная кормилица. И я обняла ее так крепко, как могла. И стало мне покойно-покойно. С любой бедой я могла прийти к ней, и Ульяна умела меня утешить.

* * *

Кафе, со слов Владимира, находилось рядом с метро, и Ада рассудила, что в утренних пробках потеряет куда больше времени, чем если будет добираться своим ходом. К тому же найти место для парковки в центре сложно, поэтому она оставила машину и направилась к метро пешком. Погода благоволила утренней прогулке: теплый ветер игриво раздувал полы плаща и по-матерински ласково ерошил стриженные на затылке волосы. Деревья в маленьких молодых листочках казались ажурными, и солнечный свет, создавая легкие тени, ложился на асфальт кружевными рисунками. Тяжелые мысли уносились свежим весенним ветром, бесследно таяли, растворяясь в чудесных запахах пробудившейся природы. Пятнадцатиминутная прогулка по улицам, на которых царствует поздняя весна, может оказаться самым лучшим средством от плохого настроения – в какой-то момент Ада поймала себя на том, что улыбается.

Возле метро она увидела старушку, раскладывающую на картонке свое добро – шерстяные носки ручной вязки. Проходя мимо, Ада замедлила шаг. Пожилая женщина вдруг подняла голову и посмотрела на девушку с такой надеждой, что у нее сжалось сердце. «Сколько же ей

лет?» – подумала Ада, окидывая взглядом вязаный берет, старомодный тулупчик и валенки, в которые, несмотря на тепло, была обута бабушка. На вид ей было не меньше восьмидесяти лет.

– Дочка, возьми носочки, – прошелестела старушка бескровными губами. – Сама вяжу. Шерсть покупаю. Смотри, какие мягонькие!

Бабуля торопливо схватила плохо гнущимися, с опухшими суставами пальцами носок и протянула его Аде. Девушка машинально пощупала его, и к горлу подкатил комок. Ей представилось, как эта бабушка, сидя у окна и щуря подслеповатые глаза, вывязывает непослушными пальцами рядки, считает петли и думает о том, что на выручку купит продуктов и новой шерсти. Но прохожие, не зная о том, как важно для нее продать свой товар, бегут равнодушно мимо. А старушка каждое утро рано поднимается и идет к метро...

А еще подумалось Аде, что она никогда не носила носков домашней вязки – некому было их ей вязать: бабушек у нее не было, как и у многих детей в интернате. Ей вспомнилось, что шерстяные носки были у Марины, потому что у той как раз бабушка и была – единственная родственница. И девочки завидовали Марине из-за этих носков: не потому, что те были такими уж красивыми, а потому, что были с заботой связаны родным человеком.

– Сколько? – хриловатым от накатившего волнения голосом спросила Ада, не выпуская из пальцев носок из серой шерсти.

– Да недорого возьму! – обрадовалась бабушка. – Возьми, возьми, дочка, парочку! Будут греть тебя. Я бабка старая, но вязала их с любовью.

Старушка назвала цену, и Ада мысленно застонала: свой труд вязальщица оценила в копейки.

– Я беру все, – решила девушка. Бабушка удивленно охнула и засуетилась, торопясь собрать носки в обычный пластиковый пакет. Ада тем временем достала из кошелька самую крупную купюру, превышающую стоимость всего товара едва ли не в десять раз, и протянула ее бабушке.

– Вот спасибо тебе, дочка! Дай бог тебе здоровья!

Старая женщина даже не глянула на купюру, уверенная в том, что ее не обманули. И лишь когда Ада отошла на значительное расстояние, вдруг охнула и закричала:

– Дочка! Дочка, вернись! Ты мне много дала! У меня сдачи-то нет!

Ада обернулась и, увидев, что старушка, согнувшись, торопливо пытается ее догнать, с улыбкой замахала руками, а затем потрясла пакетом с носками:

– Не надо сдачи! Спасибо!

Ей подумалось, что она будто поблагодарила родную бабушку, которую никогда не знала.

Старушка лишь развела руками, а когда девушка повернулась спиной, перекрестила ее на прощание. Как родную внучку.

Ада пришла в кафе ровно в назначенное время и, застыв на пороге, огляделась. Подсознательно она искала взглядом худощавого невысокого мужчину со светлым непослушным вихром и влажной оттопыренной нижней губой, но не увидела никого, кто бы подпадал под это описание. За ближайшим к выходу столиком сидела молодая женщина, задумчиво потягивающая чай из белой чашки. Дальше, у окна, расположилась парочка, занятая не столько завтраком, сколько друг другом. Молодой человек кормил из рук рыжую веснушчатую спутницу круассаном, и девушка, откусывая маленькими кусочками, весело смеялась. Ада на какой-то момент вдруг испытала легкий приступ зависти к этой незнакомке: такую девушку-веснушку сложно представить себе хмурой и пасмурной, она, как солнце, слепит глаза и дразнит. И Аде вдруг тоже захотелось иметь такую россыпь ржанных веснушек на курносом носу, смеяться заразительно и искренне, чуть запрокидывая голову и не беспокоясь о том, что при этом подумают окружающие. И чтобы кто-то, близкий и любимый, так же кормил ее из рук круассаном. Задержавшись взглядом на этой паре, Ада забыла на какое-то мгновение, зачем пришла в кафе.

Очнулась от оклика девушки в белой блузке и в длинном, в пол, бордовом фартуке, повязанном на поясе.

– Вы одна? – с приветливой улыбкой гостеприимной хозяйки осведомилась официантка. Ада по привычке кивнула, но тут же поправилась:

– Нет. Меня должны ждать.

– Ада! – окликнул ее знакомый по телефонному разговору сочный мужской голос. Она повернулась на зов и увидела приподнявшегося со своего места мужчину: неудивительно, что она не сразу его заметила. Во-первых, Владимир занял столик в самом укромном уголке зала – в нише у последнего окна. Во-вторых, в этом импозантном мужчине Ада ни за что не признала бы того щуплого цыпленка Вовчика: роста он оставался невысокого, но успел располнеть.

Ада махнула рукой и направилась к столику.

– Привет! – весело и радостно поприветствовал ее Владимир, которого язык теперь не поворачивался называть Вовчиком. – Какая же ты красавица! И тогда была, а сейчас вообще...

Он сделал неопределенный жест и покрутил аккуратно причесанной головой, подбирая нужное слово. И наконец с восхищением выдохнул:

– Шик!

Ада мягко улыбнулась, видя, что Владимир искренне, не преувеличивая, именно так и считает – она знала, что выглядит хорошо, а Вовчик, влюбленный в нее в детстве, и без того всегда воспринимал ее красавицей.

– Если бы встретил тебя на улице, не узнал, – признался он, вглядываясь в ее глаза так внимательно, что Ада почувствовала неловкость: наверняка вспомнит вслух, что у нее в детстве глаза были разного цвета, и отметит, что почему-то теперь они оба стали синими. И хотя сейчас изменившимся цветом глаз, как и цветом волос, мало уже кого удивишь, Аде все равно стало слегка неприятно от перспективы услышать от Вовчика изумленные возгласы. Но он ничего не сказал: видимо, понял, что все дело в линзах, и тактично промолчал.

– Ты тоже... Совсем неузнаваем! – воскликнула она, с удовольствием отмечая дорогой костюм благородной темно-синей расцветки и накрахмаленный до жестяной твердости белоснежный воротничок рубашки.

Подошла официантка, чтобы принять заказ, и Ада, быстро пролистав меню, попросила принести ей тарелку блинов со сладким соусом и чайник цейлонского чая.

– Должность обязывает, – горделиво дернул себя за уголок воротничка Владимир, когда официантка отошла. – Впрочем, не заблуждайся, не такая уж я важная птица. Так, карабкаюсь потихонечку...

«Еще один». Что она знала о Вовчике? Пока он торопливо рассказывал о себе, не без самодовольства упомянув вскользь, что «выбился в люди», Ада вспоминала все то небольшое, что осталось о нем в памяти. По правде говоря, Вовчик в те времена мало ее интересовал, даже наоборот, его тихое обожание, манера следовать за ней тенью куда угодно и неожиданно выныривать из-за шкафа, столба или угла раздражали ее. Она гнала его от себя, говорила обидные слова, лишь бы он отстал, но Вовчик только шмыгал носом, еще больше оттопыривал нижнюю губу и молчал, потупив глаза, словно отчитываемый директором школьник. Мальчишка был круглой сиротой, в интернате жил постоянно, не уезжал ни на выходные, ни на каникулы. И свято верил в легенду про то, что его родители погибли в автокатастрофе, тогда как ни для кого не было секретом, что они «сгорели» от беспробудного пьянства.

Владимир повествовал ей о своей жизни с теми же интонациями, с какими не так давно Светлана рассказывала о предстоящем замужестве: они, Вовчик и Света, словно оправдывались за то прошлое, которое у них было. И Ада вдруг подумала, что и она сама, наверное, таким же образом стала бы рассказывать о своей жизни: только о достижениях, заштриховывая тщательно промахи и провалы.

– Да, собственно, не потому я попросил встречи с тобой, чтобы разглагольствовать о себе, – спохватился Владимир. – Как ты? Вижу, что живешь и процветаешь.

– Не жалуюсь, – лаконично ответила Ада, не расположенная к рассказам о себе. – Давай, Володя, перейдем сразу к тому, зачем ты меня позвал. У меня не так уж много времени.

Она постаралась смягчить улыбкой последнюю фразу. Почему-то этот образ «железной леди», в котором она жила все последние годы и который сдавливал грудь и не давал дышать в полную силу легких, как старомодный корсет, сейчас показался ей наиболее тесным и дискомфортным. И захотелось вдруг избавиться от него, как от неудобной одежды. Ада всерьез пожалела о том, что приехала на встречу в деловом костюме, который был очень уместен на переговорах, но в котором сейчас она чувствовала себя деревянной. Если бы звонок Владимира застал ее дома, она, быть может, переделалась бы в обычные джинсы и сменила узкие лодочки на удобные замшевые мокасины. А ему, похоже, в его костюме было очень удобно. И чем занимается, так и не сказал... Отделался расплывчатыми фразами. Впрочем, какое ей дело до того, чем он зарабатывает на жизнь? Главное, «выбился в люди», и все.

– Да, ты права! – спохватился Владимир и, нырнув под стол, выложил на столешницу картонную папку на завязках.

– Это я покажу тебе потом, – пощелкал он ногтем по твердой корке.

– Уж не собираешься ли ты со мной бизнес вместе строить? – усмехнулась Ада.

– Нет, у нас не деловые переговоры, – без улыбки ответил мужчина и после недолгой паузы попросил: – Ада, пожалуйста, прими то, что я тебе расскажу, серьезно. Хотя я и сам понимаю, что кое-что может показаться необъяснимым и диким.

– Что ж такое ты собираешься мне поведать? – без особого интереса спросила Ада, которой как раз принесли порцию блинчиков, и она с куда большим удовольствием отдалась бы сейчас наслаждению от еды.

– Это касается нашего интернатского прошлого, а если быть точнее, той странной истории, которая случилась там с тобой и той девочкой. Как ее звали?

– Рая, – мрачно выдавила Ада, у которой сразу пропал аппетит. – Зачем, Володя, ворошить то, что уже давно прошло? Да я и не смогу рассказать ни тебе, ни кому-либо еще о том, что тогда произошло, потому что не помню. Не помнила тогда, не помню и сейчас.

– А должна вспомнить! – неожиданно вскрикнул Владимир и неистово рванул застегнутый до последней пуговицы воротничок, будто тот внезапно превратился в удавку. Ада подскочила на месте и чуть не уронила нож, которым отрезала от блина кусочек.

– Это жизненно важно, Ада! То, что случилось тогда, имеет отношение к настоящему – нашему настоящему! И будущему, которого, если ты не вспомнишь прошлое, может не быть!

– Не говори, пожалуйста, такими загадками, ты меня пугаешь, – прошипела она, не напуганная, но разозленная тем, что Владимир испортил ей аппетит неприятной для нее темой, да еще пытается оказать давление, чего она совершенно не выносила!

– Светлана Юсупова, – произнес Владимир, и Ада вздрогнула. – Помнишь ее?

Девушка отложила столовые приборы и молча кивнула.

– Умерла на днях, а точнее – позавчера. При довольно странных обстоятельствах. Отравилась. Хотя на первый взгляд мотивов для самоубийства у нее не было: Светлана была счастлива, собиралась замуж.

– Мне очень жаль... ее, – выдавила Ада, которая не знала, что еще сказать. А Владимир продолжал официальным тоном:

– Зинаида Рогозина. Ее ты помнишь?

– И даже видела не так давно, – хрипло произнесла Ада.

– Умерла несколько ранее Светланы, в начале этого года, – бросилась в метро под поезд.

– Ее разве не зарезали в драке? Я слышала, что она закончила вот так плачевно.

– Нет. Несчастный случай в метро. Вот в этой папке есть записка, – постучал пальцем по картонной корке Вовчик. Ада перевела взгляд на папку и подумала, что ей не хочется в нее заглядывать. Да что там «не хочется» – страшно! А Владимир тем временем продолжал:

– Или самоубийство? Сложно сказать. Темная история. У Зинаиды не было своего дома, а комнату, которую ей выделили после выпуска из интерната, она давно профукала: ввязалась в какую-то сомнительную сделку, доверилась аферистам и оказалась на улице. Неблагополучная судьба – у нее могли быть мотивы для самоубийства.

– Но случай мог быть и несчастным, – заметила Ада. – Спустилась в метро погреться, была нетрезвой, покачнулась, упала под поезд...

– Может, все так и было, – не стал спорить Вовчик. – Но в свете других историй заставляет призадуматься... Марина Столбова, ее помнишь? Хорошая девушка... была. Скончалась месяцем раньше Зинаиды. Ее тело обнаружил муж, вернувшийся с работы. Марина нигде не работала, занималась домом и, надо сказать, была просто образцовой домохозяйкой: пирожки-супы, чистота на грани стерильности, в общем, она тоже нашла себя в этой, увы, ставшей для нее короткой жизни.

– Она всегда любила порядок, – с тоской произнесла Ада. Хотя она и не поддерживала отношений ни с кем из вышеперечисленных, кроме Светланы, каждую историю сейчас пропустила через себя: ей будто за шиворот щедро насыпали колотого льда – стало холодно и больно. Ада даже машинально повела плечами и поежилась, словно пыталась избавиться от ледяной крошки.

– Муж обнаружил ее повешенной. Мотивов для самоубийства на первый взгляд не было. Записки не оставила, как и Светлана. Три смерти. Не находишь это подозрительным? – официальным тоном, будто следователь, которому поручили расследование серии преступлений, спросил Владимир. – А самой первой жертвой в этом списке стала Оксана Новинская. Жизнь ее была не такой благополучной, как у Марины или Светланы, но Оксана ее выбрала и... что тут уж говорить. В общем, была она девочкой по вызову в одном из этих сервисов, предоставляющих услуги на дому. И считала, что сделала карьеру, уйдя с улицы.

– Бедная, – покачала головой Ада, вспоминая бывшую соседку по комнате. Оксана, физически развившись раньше своих сверстниц, в свои четырнадцать-пятнадцать выглядела уже как молодая женщина в соку – парни, переживающие период гормональных бурь и первых сексуальных фантазий, не давали ей прохода. Рано возникшие естественные желания, помноженные на изобилие мужского внимания, привели к тому, что Оксана рано начала активную половую жизнь.

– Нашли ее на съемной квартире, которую Оксана делила с одной из напарниц, – продолжал Владимир. – В ванной, с перерезанными венами. Соседка предположила, что Оксана решила себя убить из-за несчастной любви, вроде как в последнее время у нее появился постоянный мужчина. Но этого таинственного незнакомца не нашли, записки Оксана не оставила. Четыре девушки, которые разными способами покончили с собой. У двух из них жизнь была вполне себе благополучной, и видимых мотивов для суицида не было, обе другие вели беспорядочный образ жизни. И все же... Улавливаешь связь?

– Слишком уж подозрительно выглядят эти самоубийства, – хмуро промолвила Ада, которой не нравилось, что Владимир теперь не просто рассказывает, но всячески пытается включить в обсуждение и ее. Как бы эгоистично это ни звучало, но девушки уже погибли, и Ада бы предпочла не обсуждать подробности их гибели. Разве Вовчик вызвал ее за этим – посулудачить о трагических судьбах ее бывших соседок по комнате?

– Подозрительно! – согласился он. – Я вообще не верю в их самоубийства: или их убили таким способом, или довели до этого шага.

– Почему ты так считаешь? – вскинула она взгляд на собеседника.

– А тебя связь между этими девушками не наводит на подобные мысли? Все они жили в одной комнате в интернате. Что это, такой вирус самоубийства, который поразил их, или простая случайность? В случайности я не верю, в «вирус» – тоже. Но я чувствую, что эти смерти связаны с тем, что случилось пятнадцать лет назад с нами.

Он выделил «с нами», и Ада невольно отшатнулась, словно желая выйти из этого круга, в который обобщающим местоимением ее включил Владимир.

– А что случилось с «нами»? – не без ехидства осведомилась она.

– Ну... Та странная история. Хорошо, не с нами, а с тобой. Ты-то знаешь, что произошло.

– Уверен? Я знаю о той трагедии не больше твоего!

– Хорошо, хорошо, – пошел на попятную Владимир. – Я прошу лишь вспомнить те события... Если хочешь жить.

– Жить я хочу, даже очень. Но не понимаю, с чего ты решил, что к смерти моих бывших соседей по комнате имеет отношение та история! – Ада незаметно для себя повысила голос так, что на нее оглянулась и официантка, принимающая заказ у нового клиента, и парочка у окна.

– Тише ты, тише...

– Я не понимаю твоей логики, – добавила она, понизив голос.

Вовчик ответил не сразу. Отвернувшись к окну, он посидел так какое-то время, молча рассматривая важно расхаживающего по асфальту голубя. Ада не торопила его, догадываясь, что он собирается с духом для того, чтобы поведать ей что-то еще.

– Не знаю, поверишь ли ты мне...

– Рассказывай уже!

Мужчина расслабил узел галстука, видимо, дышать ему в такой «удавке» было нелегко, расстегнул верхнюю пуговичку воротника и повертел шеей. Затем допил из чашки чай и после таких долгих приготовлений наконец-то начал:

– Вряд ли ты примешь мои слова всерьез. Но я расскажу. Вначале это был сон... Я очень редко вижу сны и не запоминаю их. А уж тем более не пытаюсь разгадать. Но этот сон был слишком навязчивым – я видел его ночь за ночью, и мне с каждым разом становилось все тревожнее. Причин для тревог и беспокойств у меня не было, в жизни все шло как обычно. Но тем не менее... Я думал об этих сновидениях постоянно, на работе был рассеянным, все валялось из рук. Начал совершать какие-то поступки, которые мне несвойственны, – так, по мелочам.

– Что за сон? – спросила Ада, припоминая свой кошмар.

– Я видел помещение, узкое, напоминающее каменный «мешок». Это было всегда одно и то же помещение, повторяющееся в разных снах. И сюжеты тоже были схожи. Отличие состояло лишь в том, что в каждом сне все происходило уже с другой девушкой.

Ада невольно стиснула в кулаке черенок вилки. И так же крепко, до боли, невольно сжала челюсти. А Вовчик, не замечая ее напряжения, продолжал:

– Как я уже сказал, сюжет всегда был один и тот же. Обнаженная девушка лежала на каменном полу. Вокруг нее кружили какие-то тени. Я не видел людей, лишь хоровод из отбрасываемых на пол темных контуров. А сам наблюдал все это будто со стороны. В какое-то мгновение тени сходились к центру, и фигура девушки «тонула» в их мраке. Когда тени опять расходились, я видел, что девушка умирает, бросался к ней на помощь, но... просыпался. Последнее, что успевал увидеть, так это разворачивающуюся ко мне страшную рожу.

– Маску? – машинально переспросила Ада.

– Что?

– Ты сказал «рожу». Может быть, маску?

– Не знаю. Может быть. Но... откуда ты... знаешь?

Ада, не ответив, пожала плечами и попросила продолжить.

– А недавно во сне я увидел уже себя. Этот сон отличался от других еще и тем, что вокруг меня не плясали тени. Я просто увидел себя лежащим на полу в неестественной позе, будто у меня были переломаны все кости. Но, проснувшись, понял, что это видение определенно связано с предыдущими. Скажешь, что сны – это ничего особенного, так, ерунда. Я бы тоже так думал, если бы потом со мной не произошло нечто странное. Я возвращался домой поздно вечером, уже подходил к подъезду – мне оставалось пересечь двор. И вдруг стало так тихо, словно я оглох: вот еще доносился шум машин с автострады, в чьей-то квартире лаяла собака, кто-то громко выяснял отношения. И внезапно все эти звуки и голоса исчезли – их поглотило абсолютное, непроницаемое безмолвие. Но не успел я удивиться, как ощутил сильный озноб. Ночь была морозной, не спорю, как и все зимние ночи. Но холод, который я ощутил, был другим: словно мне под одежду забрался ледяной ветер, выстудил до кишок. Понимаешь?

Ада в замешательстве кивнула. Где была правда, а где художественный вымысел Вовчика – разобраться сложно, да и не это было главным, а сон, о котором он ей рассказал! Он был так похож на ее собственный!.. Ада мало верила в мистику, но верила своей интуиции и своим ощущениям. А сейчас ей было нехорошо. Съеденный легкий, воздушный блинчик будто превратился в тяжелый огромный булыжник, который давил не только на желудок, но и стеснял диафрагму, затрудняя дыхание. Ада незаметно погладила ладошкой себя по животу и постаралась сделать глубокий вдох. Не помогло, наоборот, «булыжник» увеличился в размерах, и у него к тому же оказались острыми грани.

– Я решил, что заболел. Озноб, «глухота»... Но вот что случилось дальше. Возле дома стоит фонарь, который освещает двор; когда я поравнялся с ним, лампочка заморгала. Я подумал, что она перегорела и сейчас погаснет. Но нет. Из темноты в светлый круг под фонарем вдруг выплыла фигура. Это была девушка, одетая совсем не по-зимнему. Я так обомлел, что не сразу понял, что платье на ней – вообще лишь ночная сорочка. Сумасшедшая? А девушка подняла лицо, и я увидел, что она совсем молоденькая. Подросток. И ее лицо мне показалось знакомым: круглое, с узким разрезом глаз и плоской переносицей. Знакомых девушек с азиатским типом лица у меня нет, но возникло ощущение, что я ее знаю. Девушка приблизилась ко мне и сказала лишь одно слово: «Семь». И в этот момент лампочка опять моргнула и на этот раз совсем погасла. «Эй?» – окликнул я девушку в темноте, но мне никто не ответил. Я вытянул руку, но передо мной никого не оказалось. Уже дома я вспомнил, кто была та девушка... А ты догадалась? Думаю, ее ты вряд ли забыла.

Ада зажмурилась так, будто ей вдруг стало очень больно. Зачем, зачем он появился, этот мальчишка из прошлого? Зачем ворошит то, что уже прожито? Вся ее новая жизнь была направлена на то, чтобы извести из памяти остатки того, что помнила! И главной ее целью было одно: не столько идти вперед «в светлое будущее», сколько отдалиться как можно дальше от прошлого!

...Они никогда не ладили с Раей. И сложно было объяснить, с чего возникла та неприязнь. Рая просто почему-то сразу невзлюбила Аду – почти с первых дней их знакомства. Поначалу пакостила по мелочам, а когда увидела, что Ада не реагирует на гадости так, как бы того «врагине» хотелось: не плачет, не жалуется воспитателям, не переживает, – стала творить вещи похуже. Однажды ночью Рая подкараулила Аду в туалете. Девочка, не ожидавшая нападения, не успела защититься – Рая навалилась на нее сзади, одной рукой крепко обхватила за шею, лишив Аду возможности пошевелиться, другой вцепилась в волосы и далеко назад запрокинула голову. Что она шипела на ухо, Ада не разобрала, но до сих пор помнила, как потом Рая изо всех сил приложила ее лицом о край умывальника. Кровь из разбитого носа залила белый фаянс, гранатовыми брызгами застыла на кафельной стене. Рая, злобно пригрозив, что, если Ада кому скажет о происшествии, с ней и не то случится, сбежала, оставив слабеющую от потери крови девочку одну в туалете. Ада и не собиралась жаловаться, у них это не было при-

нято: жалобщиков подвергали изгнанию, издевкам и устраивали темные. Да и не в ее характере было плакаться. Из туалета ее тогда вызволила зашедшая позже добросердечная Светлана, которая, надо отдать ей должное, не завизжала от испуга, а стремительно сбегала в комнату за полотенцами. И пока Ада, запрокинув лицо и приложив к носу смоченное в холодной воде полотенце, сидела на крышке унитаза, Света туалетной бумагой вытирала кровавые пятна. Кто ее так отделал, спрашивать не стала, знала, что Ада не проговорится.

Сейчас, оглядываясь назад, Ада понимала, что это была война не из-за неприязни, а битва характеров: они с Раей были похожи. Но вместо того чтобы стать подругами, стали врагами. Просто потому, что обе по натуре являлись одиночками. А два сильных характера на одном поле – это бой.

...Ада машинально коснулась переносицы, будто проверяя, не сломана ли она. А Вовчик после эффектной паузы продолжил:

– Я понимаю, что эти истории сложно принять на веру: сны какие-то, призрак погибшей пятнадцать лет назад девушки... Но вскоре после того странного случая у подъезда я попал на одну телепрограмму, в которой показали погибшую женщину, домохозяйку.

– Марину?

– Ее самую. Я бы не узнал ее, но в том репортаже соседка охотно делилась всем, что знала о жизни Марины. Она и упомянула, что погибшая – сирота из интерната. И меня будто кипятком ошпарило. Я вспомнил Марину Столбову. И это натолкнуло меня на мысль связать вместе мои кошмары, явление призрака Раи, ее загадочное слово «семь» и нас... Семерых детей, которые пятнадцать лет назад в интернате отправились в закрытое крыло здания за приключениями и, к сожалению, нашли их. Я решил проследить судьбу остальных, кто был с нами в ту ночь. И обнаружил, что Оксана и Зина погибли раньше, а теперь вот узнал о смерти Светланы. Воспользовавшись знакомствами, я проверил выборочно судьбы других выпускников нашего года, но случаев самоубийств среди них не было. Конечно, не все бывшие интернатовцы благополучно дожили до этого дня, но те истории – не из этой серии. Ада, пять человек уже погибли. Остались двое – ты и я. Сечешь? Боюсь, тебе и мне осталось топтать землю совсем недолго. Не знаю, кто или что стоит за этими смертями. Но чувствую, дело табак – веришь ты мне или нет. Ты, в отличие от меня, была там. С Раей. И должна была видеть, как она погибла. Она тоже умерла при таких странных обстоятельствах...

– Но я не помню! Не помню ничего из того, что случилось! Ты забыл, какой меня нашли?! Вспомни!

– Я помню, – так спокойно сказал Владимир, что стало ясно, что о прошлом он не забывает ни на минуту.

– Черт... Мне кажется, ты стараешься меня запугать, – проворчала Ада.

– Не запугать, а предупредить. Ну и чтобы ты помогла нам спастись – для этого тебя и нашел.

– Как ты на меня вышел?

– Связи, – туманно ответил Владимир и с намеком постучал по папке пальцем. – Я в детективном агентстве работаю.

– Мне кажется, не в детективном агентстве работаешь, а в детективы играешь! – буркнула Ада.

– Ну вот, – обиделся Владимир не столько на последние слова девушки, сколько на то, что его признание о роде своих занятий не произвело на Аду должного впечатления. У любой бы дамы загорелись любопытством глаза, а у нее не глаза, а две синие льдины, холодные, чужие.

– Кстати, что у тебя с глазами? Они у тебя другого цвета были.

– Линзы, – недовольно пояснила Ада.

– Красиво. Но с разными глазами ты другая. Словно Снежная королева.

Ада не успела ответить, так как у Владимира зазвонил телефон. Мужчина суетливо полез в карман пиджака и извлек из него мобильный. Ада мимоходом отметила, что телефон у него – старой и самой простой модели, никакой тебе не навороченный айфон. Владимир послушал, что ему говорили, и раздраженно бросил:

– Буду, скоро буду!

Сунув мобильный в карман так поспешно, будто стесняясь его «раритетности» перед старой знакомой, Вовчик виновато развел руками:

– Ада, мне нужно бежать. Срочное дело. Я тебе оставлю папку. Вот мой номер телефона, – он торопливо написал прямо на папке крупным размашистым почерком несколько цифр. – Позвони мне. Мы – ты и я – действительно в опасности.

Скомканно попрощавшись, Владимир ушел. И Ада осталась одна – наедине с папкой, к которой не хотелось прикасаться, которая вызывала отвращение и страх, как червяки, которых девушка всю жизнь боялась. Черенком ложки, словно папка вдруг превратилась в мерзкое существо, Ада отодвинула ее подальше от себя и отвернулась к окну.

Голова гудела, наполненная обрывками мыслей, которые были похожи на то и дело сменяющиеся радиочастоты. Такой же коктейль из противоречивых, разнообразных чувств овладевал ею: неверие, страх, приближающийся к панике (а вдруг рассказанное Вовчиком – правда?), отрицание, слабая надежда, что Вовчик, возможно, эту историю нафантазировал. Он, помнится, отличался бурным и богатым воображением: любил истории про призраков, инопланетян и прочее. Уверял всех и каждого, что не раз видел в небе летающие тарелки и что однажды ночью столкнулся в коридоре интерната с призраком бывшей хозяйки, о котором так любила рассказывать уборщица Нюра.

Так, может, он и сейчас все придумал? Ошибся или преувеличил? Вон, пресловутый конец света сколько раз обещали, а потом то переносили, то вовсе отменяли!

Как-то сложно поверить в то, что над тобой нависла какая-то реальная угроза и, возможно, жить-то тебе осталось совсем немного. Как это так – живет себе Ада, живет, жизнь свою по кирпичику строит, фитнесом занимается и питается правильно... Ведет практически здоровый образ жизни, разве что работает много, а тут тебе говорят, что все это полная чепуха – здоровый образ жизни: не поможет он прожить долго-долго, потому что есть другие опасности, помимо смертельных болезней.

– Ерунда какая-то, – вслух сказала Ада, не заметив, что своим громким высказыванием опять привлекла внимание посетителей. – Фигня все это и неправда...

Боярышники, 1997 год

Лиса получила свою кличку из-за острой мордочки и рыжеватого окраса шерсти. Во всем остальном на свою лесную красавицу собака походила мало: вместо шикарного пушистого хвоста – почти безволосый «прутик», ушки-конвертики не стоят настороженно торчком, а болтаются треугольными «тряпочками», вместо хитрости – простодушие и полная доверчивость. Любопытство и неосторожность не раз играли с Лисой злую шутку: сколько раз приходилось вывозить дуреху то из выгребной ямы, то из погреба, то из колючих густых кустов, в которых она умудрялась запутаться, как в силках. Совала свой любопытный острый нос в любую щель и платилась за это. И никакие «приключения» не учили ее жизни: то ли память у Лисы была короче зимнего дня, то ли, наоборот, святая вера в то, что ничего плохого с ней случиться не может, превышала все разумные лимиты, но собака, едва отойдя от пережитого, вновь попадала в ловушку.

Появилась Лиса в Боярышниках весной. Как она проникла на закрытую территорию – оставалось загадкой, видимо, для собаки, управляемой не разумом, а любопытством, не существовало ни закрытых ворот, ни высокого глухого забора. А может, кто-то и пронес ее тайно.

В интернате животных не было, если не считать залетающих на хозяйственный двор в поисках корма голубей и воробьев, да еще аквариума с золотой рыбкой в кабинете директрисы. Ни бродячих кошек, ни живого уголка с черепахами и хомяками – изолированная территория не только от людей, но и от животных.

Лису выгоняли, один раз сторож даже отнес ее в мешке в поселок за железнодорожным полотном, но собака каждый раз мистическим образом возвращалась. И в конце концов оставили ее «официально». Даже строгая директриса, страшившаяся различных проверок от санэпидемстанции и потому наложившая табу на появление животных на территории Боярышников (как носителей паразитов), закрыла глаза на такое, как она называла, «безобразие» и разрешила Лисе жить при интернате. Правда, с тем условием, чтобы собаку периодически купали (поручено это было делать сторожу, в чьем домике поселилась Лиса, и ради этого завхозом со склада даже были выписаны таз, кусок хозяйственного мыла и махровое полотенце) и не разрешали ей заходить в здание.

Днем Лиса носилась свободно по территории, играла с воспитанниками, крутилась на хозяйственном дворе, с заливистым лаем распуская голубей, периодически то куда-либо сваливалась, то где-нибудь оказывалась запертой. Это было еще одним из талантов Лисы – незаметно и в считанные секунды проникать куда угодно и, замешкавшись, оказываться в ловушке. Заглянет завхоз на склад совсем ненадолго, оставив дверь за собой просто прикрытой, выйдет, навесив замок, а через пару минут из-за запертой двери уже доносится жалобный скулеж оставшейся в темноте Лисы. Или спустится в погреб за квашеной капустой повара Марья Ивановна, выйдет наружу с банкой, захлопнет крышку, уйдет, а спустя мгновение из-под земли раздастся вой Лисы.

А главным талантом собаки было влюблять в себя всех вокруг. И не красавица вовсе: тело длинное, как у таксы, лапки короткие и кривые, хвост крысиный, а на мордочке застывшее глуповато-добродушное выражение. Но обаяния – бездна. Как у шаловливого ребенка. Впрочем, Лиса и была никогда не взрослеющим ребенком и в это мрачное царство привносила немало света.

...В ту ночь Оксана ворвалась в спальню уже после отбоя. Но не прошла к кровати, а остановившись в дверях, закричала:

– Ой, девочки, наша Лиса-то опять в ловушку попала! Визжит, бедненькая! Надо ее вытащить!

– А до утра подождать не может? – раздраженно отозвалась со своей кровати Раиса. Была в тот день девушка сильно не в духе.

– Как это – до утра?! – изумилась Оксана, к животным относящаяся с куда большей сердобольностью, чем к людям, – жалела даже тараканов, которых метко лупила тапкой Зина. А уж в Лисе она и вовсе души не чаяла.

– Вот так – до утра, – буркнула Рая. – Сама дура, раз куда-то опять свалилась. Пусть посидит повоет, может, поумнеет, хотя мозгов у этой собачонки меньше, чем у курицы.

– Это ты о Лисе?! – угрожающе повысила голос Оксана и зажгла свет.

– Выруби, а не то...

– Где воет Лиса? – перебила Раису Ада, которая терпеть не могла разборок. Оксана с Райкой как пить дать сейчас сцепятся – в темпераментной ругани совершенно забудут о собаке. В их спор активно вклинится Зинаида, которая свои выкрики обязательно подкрепит тумаками тем, кто окажется поблизости. И закончится все массовым скандалом, а то и дракой. На шум примчатся воспитатели и без разбирательств: кто виноват, а кто нет – накажут всех. Ночь проведут без сна, а собака так и останется забытой в ловушке.

– В старом крыле, – ответила, поворачиваясь к Аде, Оксана. – Даже не представляю, как она туда попала!

После ответа в комнате повисла тишина, даже Ада, уже севшая на кровати, с тем чтобы пойти на помощь несчастной животине, в нерешительности замешкалась.

Спальни воспитанников и воспитателей, а также учебные классы располагались в главном усадебном доме. Мастерские и спортзал находились уже в других, небольших зданиях: западном и восточном флигелях и павильоне. Этот бывший господский дом не видел капитального ремонта с конца восьмидесятых годов, да и при последней реставрации недобросовестно халтурили, где-то замазывая торопливо, где-то латая на скорую руку – сделали не на совесть, и в итоге в стенах одного крыла образовались трещины. Состояние этой части здания признали аварийным и закрыли, а в другом крыле и центральной части продолжали как ни в чем не бывало обитать. А куда деваться? Переезжать некуда, вот и оставалось надеяться на чудо, что найдутся в дальнейшем деньги на реставрацию, а если нет, то, может, протянут Боярышники на авось еще сколько-то лет. Воспитатели строго следили за тем, чтобы любопытные дети и подростки не забирались на запрещенную территорию, и усердно множили слухи о том, что в закрытом крыле не только трещины на стенах, но и потолок угрожающе осыпается, и пол местами провалился. Перегородки, отрезающие три этажа левого крыла, были установлены так, что за ними оставались и лестницы. И попасть в закрытую часть можно было лишь через дверь на первом этаже, на которой висел огромный замок. Всех любопытных, кто в обход запретов пытался сунуть нос куда не следует, строго наказывали.

И вот любимица всего интерната Лиса каким-то образом проникла в аварийную часть здания и оказалась в ловушке.

– Надо ждать утра. И сказать воспитателям, – произнесла Марина, для которой нарушение правил и запретов было сродни свершению тяжкого греха.

– Но как же она там, маленькая? – возразила жалостливая Светлана и поежилась, видимо, живо представила себе бедную собаку, полумертвую от страха.

– А нечего было лезть куда не следует! Райка права, сама виновата, – поддержала соседку по комнате Зинаида.

– Так, понятно, – сказала Ада, вставая с кровати. – Разговоры и споры будем вести долго, но так ни к чему и не придем. Оксана, пошли, покажешь, откуда доносится вой Лисы.

– Куда это вы собрались? – встрепенулась Зина.

– Куда-куда, за Лисой!

– погодите, я с вами! – спустила с кровати босые ноги Зинаида, торопливо пригладила руками кудлатые, как у нечесаного пуделя, волосы и подтянула сползающие пижамные штаны.

– Вас поймают и накажут! – злорадно провозгласила Марина, но ее реплику проигнорировали.

– А как же мы туда попадем? – засомневалась Светлана.

– Ты тоже, что ли, с нами, неженка? – недоверчиво прищурилась Зинаида. Между девочками всегда была неприязнь. Зинаида не отличалась привлекательной внешностью: одежда на ее худой, мальчишеского сложения фигурке висела как на вешалке, а смуглая кожа и кудрявые черные волосы делали девочку похожей на цыганенка. И, видимо, из зависти к кукольной внешности Светланы Зина всячески пыталась уязвить соседку: насмехалась, толкала, портила вещи. Света по возможности старалась терпеливо сносить обиды. Но если Зинаида хватала ее за длинную толстую косу – главный предмет своей зависти, – не оставалась в долгу и ответно вцеплялась Зинаиде, любительнице подражаться, в кудри. Свои волосы Светлана холила и лелеяла и не прощала тех, кто дергал ее за косу.

Света не удостоила задиру Зину ответом – встала с кровати, накинула на застиранную ночнушку халатик и сунула босые ноги в тапочки.

– Молодец! – похвалила девочку Ада.

– Не слишком ли вас много на одну шавку? – съязвила Рая и тоже села на кровати. Ее раззадорило то, что почти вся группа собралась в ночной поход в запрещенное крыло здания, в которое она сама уже дважды пыталась проникнуть, но ее ловили и наказывали. И ведь обидно, что засекали на месте «преступления» как раз в тот момент, когда уже удавалось открыть дверь! Для Райки не существовало ни одного замка, с которым бы она не могла справиться. И брала она чужие вещи без спросу не столько потому, что нуждалась в них, а из спортивного интереса, как говорила сама. Да еще, возможно, желая подражать отцу: родитель Раи был домушником, жизнь его состояла из чередования долгих периодов отсидки с короткими промежутками свободы, в которые он успевал обчистить не одну квартиру. У девочки, растущей в атмосфере рассказов отца и его друзей о ходках, шальных деньгах, удачно провернутых «делах», складывалось ложное понятие тюремной романтики: жизнь, лишенная духа авантюрных приключений, головокружительного риска и протестов обществу, казалась ей неправильной, скучной, серой. С горящими глазами рассказывала она об отце, который опять мотал срок за квартирную кражу, и о том, как обучал он ее некоторым премудростям своего «ремесла». И частенько Рая эти навыки и демонстрировала, то вскрывая замки ящиков письменного стола директрисы, то – шкафчиков с личными вещами воспитанников и воспитателей. «Тюрьма по тебе плачет!» – гневно ругала девчонку старшая воспитательница Мымра Гусаровна, получившая прозвище за длинные, свисающие, как у гусара, по бокам рта усы, – Рая лишь гордо вскидывала голову и криво усмехалась.

– Не много, – отрезала Ада и развернулась идти к двери, чтобы прекратить все разговоры.

– А как вы в закрытое крыло попадете? – ехидно раздалось ей в спину.

– А с твоей помощью! – опередила Аду Зина.

– Еще чего! – фыркнула Рая, но так, что стало понятно, что она в первых рядах готова отправиться в запретное крыло, да только гордость ей не позволяет в этом признаться.

– Раечка, нам без тебя и правда не справиться! – ласково заговорила Светлана, быстро смекнувшая, что Рае нужны уговоры. – Хочешь, я тебе дам зеленое платье поносить?

– Если захочу, то и так его возьму, – расхохоталась Рая. – Мне твое разрешение не нужно. Ладно уж, пошли. Уговорили!

Она проворно соскочила с кровати, отодвинула тумбочку и приподняла край линолеума.

– Отмычки! – важно объявила девочка, продемонстрировав всем тонкую связку металлических пластинок. – Самые настоящие! Папаня подарил. Тсс, если кто проговорится воспитулькам, где я их храню, той не жить! Зарежу!

Рая со зверским выражением лица провела ребром ладони по горлу красноречивым жестом, исключаяющим всякие сомнения, что угрозу она выполнит.

– А ты чего разлеглась? – ткнула Зина кулаком в бок лежащую Марину.

– А чего? – огрызнулась та и попыталась ударить девочку по руке, но промахнулась.

– «А чего», – передразнила Зина. – Если идем, то идем все. Никто не остается! Тем более – ты. Знаем: едва мы за порог, ты побежишь и настучишь!

– Ничего не настучу!

– Да ладно, – недобро усмехнулась Зина. – Настучишь, настучишь! Если не сама побежишь, так первой же заглянувшей сюда воспитульке выдашь, куда мы пошли. Вставай давай, потопали!

– Отстань от меня! – заверещала Марина, стараясь отвоевать одеяло, которое бойкая соседка уже пыталась стащить с нее.

– Не отстану! Девочки, а ну-ка помогите! А то ведь выдаст нас!

Раю и Оксану уговаривать долго не пришлось, и в ту же секунду Марина осталась без одеяла, которое бросили прямо на пол.

– Пустите! Я сама! – запротестовала Марина, когда три боевые соседки попытались стащить с кровати, как одеяло, и ее саму, но рот ей тут же закрыла смуглая ладошка Зины:

– Тише ты, дур-ра, чего разоралась! Молча вставай и топай! Если хай поднимешь, я за себя не ручаюсь.

Зинаида все не могла простить Марине того, что та однажды честно сказала Мымре Гусаровне, кто накурил в туалете.

Гуськом выскользнули из спальни и так же цепочкой, шаг в шаг, затылок в затылок, почти не дыша, миновали коридор. Когда проходили мимо комнаты, в которой отдыхал дежурный воспитатель, совсем затаили дыхание, боясь даже тихим вздохом выдать себя. Уже не столько доброе побуждение выручить собаку двигало ими, сколько любопытство и разыгравшийся азарт: куда интересней, чем в кровати, провести часть ночи, исследуя запрещенную территорию! Только Марина была недовольна тем, что ее вытащили из постели и прямо в ночнушке и тапочках заставили идти туда, куда она вовсе не горела желанием заглядывать. Ее никогда не интересовали, как других подростков, заброшенные здания, пустыри, стройки, аварийные объекты, наоборот, она тяготела к тихому уюту, комфорту. Марина мечтала о собственном доме, в котором будет вкусно пахнуть выпечкой, в котором не будет серо-зеленых стен с трещинами, не будет вытертого до дыр линолеума на полу, не будет паутины в углах и осыпавшейся побелки. Все в ее доме будет чисто, красиво, подобрано со вкусом, будет много цветов и света. Когда-нибудь, когда-нибудь у нее будет такой дом!..

Марина плелась предпоследней в строю. Нервировала ее и Зинка, которая специально встала за ней – на тот случай, если Марине придет в голову дать обратный ход – от этой цыганской оторвы всего можно было ожидать, отдавленные пятки – самое меньшее зло. Марина чувствовала себя так, словно ее вели под конвоем, и невольно ежилась в ожидании, что в ее спину, будто дуло винтовки, вот-вот воткнется кулак Зинки. Боялась и того, что дежурный воспитатель неожиданно выйдет в коридор и застанет их тут всех, накажут ли их в таком случае или просто ограничатся выговором – Марине было без разницы, ей просто страшно было нарушать правила.

Таким строем, который возглавляла Ада, девочки прошли половину коридора. Спальни занимали третий этаж: правое крыло и центральную часть, под ними – на втором – находились учебные классы, на первом этаже – кабинеты администрации.

Лестница не была освещена, и темнота, густая, как чернильная паста, обязывала спускаться маленькими осторожными шагами. Шли, натываясь друг на друга, но не издавали ни звука – лишняя предосторожность не помешает.

Они спустились на второй этаж, когда Зина вдруг дернула Марину за подол ночной рубашки и шепотом скомандовала:

– Стойте!

– Чего ты?! – мгновенно оцетинилась девочка, уже привыкшая в каждом «знаке внимания» Зины видеть подвох.

– Тш-ш, – шикнула соседка, но беззлобно и тревожно. – Тут кто-то есть еще!

– Кто? – испугалась Марина и завертела головой, силясь в темноте разглядеть того, кого почуяла – а иначе и не скажешь – Зина.

– А я что, знаю? Ни фига не видно! Но кто-то тут есть, зуб даю!

Зина шумно зашмыгала носом, словно пытаясь по запаху, как зверь, определить, кто еще находился в коридоре, помимо них.

– Нет тут никого! – буркнула Рая, которой хотелось как можно скорее покинуть наводящую на нее уныние учебную часть здания и оказаться в закрытом крыле.

– Эй! – на всякий случай позвала Зина, обеспокоенная шорохом, услышанным ранее лишь ею одной.

– Говорят тебе, нет тут никого! – раздраженно повторила Рая. – Идем! Чего разоралась? Щас и правда кто-нибудь сюда примчится на твои вопли!

– И все же кто-то тут есть, – упрямо повторила девочка.

– Ну, есть и есть! Воспитатель не стал бы в темноте прятаться! Сразу бы разорался и погнал нас в спальню! Мышь, может, шмыгнула, а ты уже хай подняла!

– Мышь? – испуганно пискнула Света и прижалась к ближайшей к ней соседке.

– Чего ты ко мне льнешь, как мужик? – раздался голос Оксаны.

– Мышей боюсь!

– А чего их бояться? Миленькие такие серенькие зверюшки...

– Миленькие, пока не сгрызут туфли, – буркнула Марина, которой однажды пробравшаяся в ее шкафчик мышь на самом деле испортила обувь.

– Куда страшней мышек призраки! У-у-у! – утробно завывала Зина и, когда не ожидавшая такого воя Светлана пронзительно завизжала, громко расхохоталась.

– Да тише вы! – рассердилась на этот раз Ада. – Зинка, сдурела? Сейчас твое вытье и правда кто-нибудь услышит!

Вот так всегда – мало дела, много шума! Пойдешь с такими напарницами в разведку, дальше третьего столба не уйдешь. Ада не любила слов, она любила действия и предпочитала что-то делать в одиночку, а не в команде именно потому, что часть энергии и времени в последнем случае неизбежно тратилась на пустые разговоры и споры. Эх, надо было идти за собакой одной! Ну взять, может, кого-нибудь из девочек, но не тащиться всей гурьбой. Ада задумалась, с кем бы она пошла за Лисой, и, как ни крутила, выходило, что из всей компании пришлось бы идти с Раисой, с которой они постоянно были на ножах. Просто от Раи в этом случае было бы больше пользы: кто бы еще мог так ловко справиться с замками? А если бы на самом деле нужно было идти на какое-нибудь важное секретное задание, на кого бы Ада могла абсолютно уверенно положиться? На Марину? Нет, та была бы обеспокоена тем, не идет ли кто из воспитателей, и то и дело норовила бы повернуть назад в спальню. Светлана – милая девушка, но очень уж пугливая, любой шорох провоцирует ее на пронзительный визг. Оксана – болтушка, да еще постоянно пребывает в романтических мечтах: всю дорогу бы потчевала рассказами о свиданиях, а когда дело дошло бы до действий, например, вскрыть тот же замок, влезть в коридор через окно, испугалась бы испортить маникюр, платье или прическу. Зина храбрая и отчаянная, ее никакие запреты и воспитатели не остановят, никакие шорохи и мыши не напугают, но она вспыльчива, как порох, и там, где дела решаются дипломатичными переговорами, пускает в ход кулаки. Ада пригорюнилась: выходит, что ни на кого из этих девочек, с кем жила бок о бок, она не могла бы положиться в трудный час. А может, «дефекты» вовсе не в ее соседках, а в ней самой: слишком уж строго подходит она к выбору тех, с кем хотела бы общаться?

– Чего встала? Уснула? – раздался в самое ухо сердитый шепот. Ада от неожиданности вздрогнула. Хороша же она! Решает, с кем пошла бы на секретное дело, а сама так задумалась, что выпала из реальности! Спасибо Рае – вернула на землю.

Пожалуй, Рая была бы ей отличной напарницей: они во многом похожи. Рая так же, как и Ада, щепетильна в выборе приятелей, если за что-то берется, доводит дело до конца, каким бы сложным оно ни было. Умна, изворотлива, смела. Как жаль, что они – враги, а ведь могли бы стать подругами.

Когда им оставалось спуститься на один пролет, Светлана вдруг испуганно прошептала:

– Девочки, вы слышали шум?

– Слышали! – живо откликнулась Зина, которую так и не смогли разубедить в том, что, помимо них, тут никого нет.

– Нет, сейчас...

– Ничего не слышно!

– Боже мой, какие вы мнительные! Одна и вторая!

– Райка, захлопни клюв и послушай! – оборвала девочку Зинаида. – Тут кто-то и правда сопит, не слышишь разве?

– Поворачиваем назад! – скомандовала Марина, не сумевшая скрыть радости в голосе.

– Какое назад! А Лиса?! – возмутилась Оксана и ласково забормотала, надеясь, что собака откликнется: – Лисочка, Лисочка!

– Думаешь, это собака сопит? – скептически хмыкнула Зина. – Тут, рядом с нами? Ты же говорила, что слышала ее в закрытом крыле!

– Ну да... – ответила Оксана, но уже как-то неуверенно.

– А что ты там делала так поздно? – любопытствовала Марина.

– Тебе скажи, еще побежишь и расскажешь! – съязвила Зинка.

– Ничего не расскажу...

– Свидание у меня было! – важно объявила Оксана. И на девушку тут же обрушился целый град вопросов:

– С кем?

– Где? В закрытом крыле? А как ты туда попала?

– А вы просто целовались или... того?

– Да тише же вы! – раздраженно перебила соседок Ада. Ну в самом деле, куда это годится, детский сад, и только! – Оксана, откуда ты услышала вой Лисы? Отсюда, из здания?

– Нет, с улицы. Я стояла у стены, и вдруг из окна раздался вой Лисы. Она, наверное, почувствовала, что кто-то есть рядом.

Окна находились высоко над землей, запрыгнуть в него собака никак не могла. Но Лиса обладала талантом просачиваться в любую щель, так что наверняка нашла какую-то лазейку.

– И все же кто-то тут рядом со мной сопел, – упрямо повторила Зина, когда девочки после заминки вновь отправились в путь.

– Призрак хозяйки, – буркнула Марина, которой идущая сзади Зина больно наступила на пятку. Светлана испуганно пискнула, и Раиса сердито отрезала:

– Нет тут никаких призраков! Я здесь бывала.

– В самом крыле?

– Нет, не в самом. Но призраков тут все равно нет, – разозлилась девочка, которая так же, как и Ада, не любила ненужных разговоров. – Это все байки Нюры, и точка!

Рассказами о живущем в закрытом крыле призраке любила устрашать уборщица Нюра. Родом она была из этих мест, всю жизнь прожила в поселке, в котором родилась. А бабка по материнской линии так и вовсе прислуживала в доме у господ. Истории, которые Нюра любила рассказывать, были отчасти выдумкой, в которую рассказчица сама свято верила, отчасти основаны на воспоминаниях бабки о жизни в усадьбе. Где была правда, где – вымысел, сама Нюра не могла бы сказать, но слушать ее было интересно и порой жутко. Особенно полюбился воспитанникам рассказ о призраке последней хозяйки, якобы обитающем в закрытом крыле здания. Этот сказ стал даже чем-то вроде местной легенды. Воспитатели и начальство поначалу одобряли то, что байка путешествует в стенах интерната, потому что страх умерил любопытство, и желающих сунуться в запрещенное место поубавилось. Но по мере того как Нюрина легенда набирала популярность, эффект становился прямо противоположным: теперь добрая часть воспитанников желала проверить, на самом ли деле существует призрак хозяйки. Ссылаясь на рассказы своей бабки-очевидицы, Нюра повествовала, что жену последнего владельца усадьбы считали ведьмой. Граф Боярышников привез ее из поездки по Европе. Молодую графиню невлюбила как дочь графа, так и местные жители. «Привез такую страхолюдину. Нос крючком, глазки маленькие и во-о-от такие узкие», – описывая бывшую хозяйку усадьбы, Нюра грубыми, в заусеницах, пальцами оттягивала к вискам для пущей наглядности уголки собственных невыразительных глаз. «Бабка рассказывала, что по-нашему эта графиня ни «му» не говорила. Зыркнет щелками своими, губы в гузку сведет и молчит. А сама про себя проклятия шлет. Как привез ее граф сюда, так и начались всякие беды: то неурожай, то пожары. Когда смекнули, что к чему, попытались раскрыть глаза графу на его женушку. Куда там! Его

глаза, видимо, такими же щелками, как у нее, стали – ничего не видел! А беды так и сыпали: то от мора весь скот поляжет, то еще что».

Возможно, рассказы Нюры были полны фантазий, домыслов и людских предрассудков, но хозяин усадьбы действительно взял в жены иностранку. Графу Боярышникову было за сорок, когда он женился во второй раз. И чужеземку, ни слова не говорящую по-русски, местное население и вправду приняло настороженно. Незнание и непонимание порождают страхи и предрассудки, а те, в свою очередь, – враждебность и агрессию. Слухи гуляли по деревням свободно, как ветер, множили ненависть.

Что случилось потом, мало кто знал. Нюра рассказывала, ссылаясь на слова своей бабки, что молодая хозяйка погибла из-за несчастного случая. А может, и устроил кто так... «А призрак ее живет тут до сих пор! Бродит неуспокоенная душа, отмщения желает!» – свистящим шепотом заканчивала свое повествование Нюра. «Вот почему, думаете, здание рушится? А потому-то! Умерла хозяйка аккурат в том крыле, которое закрытым стоит!»

В призраков Ада не верила, но эта история, так некстати вспомнившаяся сейчас, вызвала неприятные ощущения. Тишина, в которой раздавались шуршащие звуки шагов, перешептывания девочек, неосвещенная лестница, которая вела, казалось, в пропасть без дна, отлично «декорировали» воспоминания о Нюриных рассказах. И очень хотелось повернуть назад, разумно дожидаться в спальне утра и сказать воспитателям о попавшей в западню Лисе. Похоже, такие мысли блуждали в голове каждой девочки, потому что, когда спустились на первый этаж, перестали перешептываться и пошли на цыпочках. Свет от дворового фонаря падал на пол неровным пятном как раз перед кабинетом директрисы, и Аде показалось, что освещен кабинет изнутри. И не только ей, потому что разом две девочки, Марина и Светлана, ахнули. У каждого свои страхи: кто-то боится призраков, кто-то – быть застуканной директрисой, но дело оказалось в другом.

– А ты что здесь делаешь?! – разорвал тишину резкий крик Зинаиды. Ада оглянулась и увидела, что все девочки, кроме нее, остановились в желтом пятне света, будто в ритуальном кругу, обступив кого-то или что-то со всех сторон.

– Это ты шел за нами и сопел? – накинулась на кого-то теперь уже Рая. Ада вернулась к своим спутницам и, приподнявшись на цыпочках, заглянула поверх голов в центр круга. Там, ссутулив плечи и повесив голову, словно нашкодивший первоклассник перед грозной директрисой, стоял невысокий щуплый мальчик, в котором Ада узнала Вовчика. «А он что тут делает?!» – с раздражением подумала она.

– Ну, я шел, – буркнул, громко шмыгнув носом, Вовчик.

– И чего не отзывался, когда мы спрашивали, кто шумит?

– Ну... – начал Вовчик и замолчал – разговорчивостью он не отличался.

– Щас как дам тебе хорошенько, заговоришь мигом! – пригрозила Зина.

– Я это... из туалета шел. А тут вы – по лестнице, ну я и пошел за вами.

– А зачем ты за нами пошел? – злым шепотом спросила Рая.

– Ну... – вновь замялся Вовчик. – Интересно стало! Куда идете и все такое...

– Шпионишь, чтобы потом наябедничать? – угрожающе надвинулась на парня Зина. Вовчик испуганно втянул голову в плечи, будто приготовился к удару. И Ада, подумав, что с Зинаиды станется влепить мальчишке пару хороших затрецин, поспешила вмешаться:

– Оставь его, Зина. Не станет он стучать.

– А ты уверена?

Вместо ответа Ада вошла в круг и положила мальчишке ладонь на плечо. Почему-то в тот момент она вдруг почувствовала, что должна это сделать – взять парня под свою защиту, хотя и не испытывала к нему симпатии, напротив, сплошное раздражение.

– Ого! – одновременно воскликнули несколько девочек. Ада запоздало подумала, что теперь не отвязаться ей от обидных кличек, насмешек и прочего – уже завтра разлетится среди воспитанников новость, что Ада ответила взаимностью сохнувшему по ней Вовчику. Мальчишка хоть и не выражал своей влюбленности открыто и ни разу еще не заговорил с Адой, но слонялся за ней тенью, так что его чувства ни для кого уже не были секретом. Ада старательно Вовчика игнорировала, как и любые подколки в свой и его адрес. А теперь вот сама дала новую пищу для сплетен: ее невинный жест, которым она лишь желала приободрить мальчишку, превратится благодаря молве в целую историю с подробностями. Ходить им с Вовчиком популярными, как пить дать, недели две. Ну ничего, потом обязательно произойдет что-то, что переключит внимание обитателей интерната. Главное, перетерпеть первую «волну» насмешек и подколок. А терпеть Ада умела.

– Небось Адку увидел и увязался за ней, – съязвила Рая. Но Вовчик, обалдевший от свалившегося на него счастья – внимания пассии, – расправил плечи и гаркнул в ответ неожиданным баском:

– А если и так, то что?

– Что-что, ничего, – ответила ошеломленная отпором Раиса. – Женишок!

– Так мы идем или как? – нетерпеливо спросила Ада, которой надоела эта заминка. – Можете тут оставаться, если вам хочется трепаться. А я пошла за Лисой.

– Там же призраки! – вдруг раздалось ей в спину. И Ада едва сдержала желание развернуться и дать как следует этому трусу Вовчику. Раздражение на него сейчас, после того, как она сама дала повод для дальнейших насмешек, достигло пика. Ну что же он так ее позорит-то? Вот если бы за ней по пятам следовал какой-нибудь отважный мальчик, пусть даже отпетый хулиган Бугров, а не этот забитый, трусливый, жалкий недотепа, и то легче было бы. Вот уж счастье-то привалило...

– Тогда отправляйся в кроватку бай-бай, – бросила она презрительно и направилась к закрытому крылу. За ней следом отправилась Рая. А остальные девочки так и остались стоять, обступив Вовчика.

– Ждите нас здесь, идти всей толпой нет смысла, – приказала, оглянувшись, Рая. И Ада мысленно поблагодарила ее. Как жаль, что они враги, как жаль...

Рая быстро справилась с замком: знала, какая из отмычек подходит. Дверь скрипнула, и обе девочки, чуть поколебавшись, вошли в коридор.

– Фонарик бы, – прошептала Рая, на которую, видимо, как и на Аду, гнетущее впечатление произвела темнота, слегка разбавленная светом от дворового фонаря, но помноженная на тишину. Ада представила себе усадьбу в сумерках: половина здания глядит на центральную аллею освещенными окнами, другая, лишённая жизни, – пустыми черными «глазницами». Здание похоже на слепую на один глаз и с парализованной половиной лица старуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.